

Ондин Хайят

АРОМАТ ИЗГНАНИЯ

«Мощный, наполненный поэзией
роман, воспевающий силу
и стойкость человека»

ActuaLitté

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА

18+

Ондин Хайят
Аромат изгнания

Издательство "Livebook/Гаятри"

2023

УДК 82-3
ББК 84

Хайят О.

Аромат изгнания / О. Хайят — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
2023

ISBN 978-5-907428-99-7

Талин выросла с бабушкой, которая с детства обучала ее тайнам создания ароматов, а после смерти завещала парфюмерную компанию и загадочный конверт. Следуя инструкциям из него, девушка обнаруживает три тетради, в которых рассказывается история ее прабабушки, пережившей геноцид армян. Записи в дневниках охватывают более пятидесяти лет. Раскрывая старые тайны своей семьи, Талин надеется наконец освободиться от кошмаров, которые преследуют ее даже в XXI веке. Чередуя прошлое и настоящее, этот роман, наполненный ароматами, поэзией, встречами, прощаниями, болью и надеждой, отправляет нас в путешествие между Османской империей, Алеппо, Бейрутом, Афинами и Парижем. Эта пронзительная сага, вдохновленная семейной историей автора, отдает дань уважения мужеству нескольких поколений женщин, а через них и всего народа.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907428-99-7

© Хайят О., 2023
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2023

Содержание

1	6
2	14
Первая тетрадь	22
3	22
4	27
5	36
6	37
7	44
8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ондин Хайят

Аромат изгнания

*Пути и Лили, Мамите,
всем девочкам и их матерям*

Ondine Khayat
LE PARFUM DE L'EXIL

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates.

Дизайн обложки Юлии Сидневой

© Charleston, une marque des éditions Leduc, 2021
© Нина Хотинская, перевод на русский язык, 2023
© Livebook Publishing LTD, 2023

1

Темно, совсем темно. Кажется, все как обычно, но что-то не так. Она видит, как взрослые силятся ничего такого не выказывать. Они подносят ко рту снедь, приготовленную для них на кухне, говорят обо всем и ни о чем, но сами как будто не здесь. Она хочет их предупредить, велеть им бежать. Нельзя здесь оставаться. Дедушка протягивает ей руку и улыбается. Его добрые глаза успокаивают ее. С ними ничего не может случиться. В тепле его ладони ровно и ласково бьется пульс. Никакой опасности нет, она все выдумала. Он отведет ее в кроватку, как и каждый вечер, расскажет сказку, мама прикоснется к ее лбу лавандовым поцелуем, и она уснет. Она в безопасности, ничего страшного.

От ударов в дверь она дрожит. Улавливает страх в глазах остальных. Она ничего не понимает, ей хочется удержать время, которое как будто раскололось, но все происходит очень быстро. Они вошли. Они идут. Жизнь погружается в черноту.

Голова... Они отрубили ему голову... Они выставили ее как трофей в городе...

Талин проснулась с криком, вся в поту. Посмотрела на будильник. Он показывал десять минут четвертого. Слышался какой-то звук, медленный, глухой, неровный. Она не сразу поняла, что это стучит ее сердце. Кошмары не снились ей уже несколько месяцев, и она думала, что избавилась наконец от своих ночных ужасов. Она протянула руку к Матиасу, ей нужно было чье-то присутствие, чье-то тело, но он опять уехал. Талин хотелось, чтобы он был рядом, хоть он и не умел ее успокаивать. Руки и ноги оцепенели, страх словно загнипотизировал ее. Было трудно двигаться, пришлось сделать усилие, чтобы встать.

Талин оглядела теплый и комфортный гостиничный номер, в котором остановилась, – у нее не хватило духу ночевать в доме бабушки Ноны. Пошатываясь, она прошла в ванную. Надо было сосредоточиться, собрать себя заново из кусков, рассыпавшихся под бременем страшного сна. В зеркале отразилась перепуганная, потерянная молодая женщина. Бледное лицо осунулось, волосы спутаны, глаза вытаращены. Она подставила руки под холодную воду и немного успокоилась. Зажгла везде свет, как это делала Нона, никогда не выносившая темноты. Она всегда спала с зажженной лампой. Однажды вечером Талин зашла в ее спальню и ласково посмеялась над ней. Но бабушка, всегда подхватывавшая шутки над собой, даже не улыбнулась. Больше они никогда об этом не говорили. Как бы поступила Нона сейчас?

Талин напряглась. Горе опять пробуждалось. Она ни за что не хотела думать о бабушке, не было сил. Мысли упирались, вскидывались на дыбы. Смерть Ноны разбила ей сердце, до физической боли. Невыносимо сдавило грудь, и невозможно было нормально дышать. Боль стала похожа на зубную и расплзалась по всему телу. Как вскрыть абсцесс отсутствия? Она запрещала слезам течь, но они не слушались. «Плачь, ты изливаешь горе!» – сказала бы ей Нона с улыбкой. Говорят, незаменимых нет. Талин давно знала, что это неправда. Никто никогда не заменит Нону.

Она вернулась в спальню, но не решалась лечь, боясь, что кошмар вернется. Улеглась на кровать и подложила под голову подушку, устраиваясь повыше. Какие ужасы могли преследовать бабушку? Отчего она боялась темноты? Какие пугающие секреты таились в ней, готовые вцепиться в ее горло, когда затихал шум жизни? Трудно было представить, что ей страшно, видя, как она управляет семейным парфюмерным предприятием, ею же и созданным. Талин сдерживала рыдания. Что она сделала для своей бабушки? Нона всегда была с ней. Всегда любила ее, направляла, поддерживала. Почему же она так и не расспросила ее? Почему оставила ее наедине со страхами?

А теперь слишком поздно...

Пять минут пятого. Талин давно пора спать, завтра тяжелый день. В ночной тишине она невыносимо остро осознала, что потеряла главного человека в своей жизни. Ей хотелось заплакать, избыть эту душившую ее боль, но не получалось. Тогда она свернулась калачиком на кровати и попыталась занять голову «игрой в запахи». Занимаясь этим, она смешивала их в уме и представляла себе аромат. Жимолость, железо, шоколадная булочка. Талин вообразила все запахи по отдельности, потом сложила их и вдохнула яркий, сладкий, металлический аромат. Она продолжила игру и быстро успокоилась. Роза, миндаль, деготь... Клей, пепел, лимон... Бабушка научила ее этой игре, когда ей было три или четыре года, и с тех пор она всегда в нее играла. Нона очень быстро поняла, что у ее внучки исключительное обоняние, что она способна запомнить сотни запахов и в точности их воспроизвести.

Талин все-таки смогла уснуть на несколько часов и проснулась с сильной головной болью. Она посмотрела на свой мобильник. Матиас был в Нью-Йорке уже два дня и не прислал ей пока ни одного сообщения.

Много народу собралось у церкви Святого Франциска Сальского. Талин добралась пешком; она шла вдоль моря, чтобы подышать весенним воздухом Бандоля. Сине-зеленое шелковое платье, которое подарила ей Нона на тридцать семь лет, обтягивало грудь. Она глубоко вдохнула, собираясь с духом, и едва успела отпрыгнуть от струи воды, которой служащий мэрии поливал тротуар. Талин сосредоточилась на запахе нагретого солнцем асфальта. Из расположенной рядом булочной до нее долетели ароматы сахара и шоколада. Весело щебетали дети, их окликали занятые родители, ссорилась парочка, какая-то девушка шла, читая в телефоне сообщения и натываясь на прохожих. Шум, пение, автомобильные гудки... Жизнь кружилась перед глазами Талин, и ей вдруг стало трудно идти. Всего было слишком, ее обостренные чувства ничего не фильтровали, и ощущения удесятаялись. Только Нона понимала, что она переживала в такие моменты. Она как-то призналась, что и сама долго была жертвой своей чрезмерной чувствительности, пока не научилась защищаться. Она потеряла часть своей души, объяснила бабушка, зато обрела право жить в спокойствии.

Когда молодая женщина увидела у церкви катафалк, ее сердце пропустило удар и долго не хотело возвращаться к нормальному ритму. Отвернуться, бежать подальше, бежать от смерти и никогда не возвращаться. Талин хотела шагнуть вперед, но тело не слушалось. Ее охватил страх. Нужен был аромат, все равно какой, чтобы вернуться в действительность. Она уловила в воздухе запах сигареты, смешанный с запахами хлеба и мусора. Сосредоточилась и смогла создать броню, которая была ей так нужна. Она прошла мимо маленького фонтана, увенчанного фигурками ангелов, и направилась к церкви, стараясь удержать только что изобретенный аромат.

– Где тебя носит? Мы уже двадцать минут ждем! – воскликнула Элен, ее мать. – Опоздать на похороны бабушки – это что-то!

Она окинула взглядом ее одежду.

– Почему ты не в черном? Вечно тебе надо выделиться.

Мать закатила глаза и покачала головой. Этот жест Талин видела все свое детство. Она мысленно распылила вокруг себя только что созданный аромат, чтобы защититься от губительного излучения, но это не сработало. Защита никогда не работала с холодностью, которую она видела в глазах своей матери. Никаких эмоций не читалось на лице Элен, а ведь она хоронила родную мать. Талин смотрела, как она удаляется – такая элегантная в бежевом костюме, с безупречной укладкой, несмотря на жару. Элен было семьдесят девять лет, но ей легко давали на пятнадцать меньше. Ее духи с ароматом розы зашекетали ноздри Талин, и она снова пожалела, что запах этого дивного цветка ассоциируется для нее с запахом горя. Арам, ее старший брат, обнял ее и провел рукой по волосам, тщетно пытаясь укротить ее черные кудри.

– Как ты, сестренка? – спросил он.

– Плохо, как еще? – простонала Талин. – Ох, Арам, почему она ушла?

– Она хорошо пожила, мы не должны грустить.

– У тебя получается?

Молодой человек утер слезы.

– Нет, конечно. Но Нона не хотела бы, чтобы мы горевали.

Талин прижалась к брату и немного успокоилась. Матиас, ее гражданский муж, редко ее обнимал, и ей не хватало прикосновений.

– Ты в курсе насчет нотариуса?

Талин вопросительно посмотрела на брата.

– Мама тебе не сказала?

– О чем?

– Нам назначена встреча с нотариусом на следующий четверг.

– Но Нону даже еще не похоронили!

– Знаю, но лучше уладить все побыстрее.

– Я не приду. Это выше моих сил! – воскликнула она.

– Нона особо попросила, чтобы ты присутствовала.

Талин уклонилась от ответа, ей не хотелось об этом думать. Им навстречу шла Ирис, жена Ара-ма. Завязался разговор, но всякий раз, едва начав фразу, Ирис и Арам обрывали ее на полуслове, чтобы одернуть двух своих расшалившихся детей. Талин огляделась. Отец разговаривал с матерью. Она так и не поняла, почему они не разводятся, хотя фактически расстались, когда ей было два года. Она невольно отпрянула, когда он направился к ней. Очень элегантный, в сшитом на заказ костюме-тройке, который сидел как влитой на его массивном теле. Он рассеянно поцеловал ее, поглядывая на часы.

– У тебя опять самолет? – спросила Талин.

– Заканчиваю сделку в Токио, – ответил он, что-то набирая на мобильном телефоне.

– Это очень важно... – с иронией отозвалась она.

Он не обратил внимания.

– Надо же было устроить похороны в Бандоле, столько сложностей. Мы же практически все парижане, к чему это? – сказал он. – Придется возвращаться поездом, как будто мало мне разъездов.

Талин промолчала, ошеломленная его реакцией. Как ни хорошо она его знала, он продолжал ее удивлять. Умерла теща, но единственное, что его волновало, – доставленные лично ему неудобства. Он нервно затянулся сигаретой.

– А ты как поживаешь? – спросил он. – Справляешься без Ноны?

Он задавал вопросы, не дожидаясь ответов.

– А где Матиас? – продолжал он, озираясь.

– Его здесь нет. Он заканчивает дела в Нью-Йорке.

– Так-то лучше. Я было подумал, что и он от тебя сбежал. В кои-то веки тебе удалось удержать мужчину больше, чем на пару месяцев...

Талин напряглась.

– Спасибо за поддержку, папа. Я знаю, что могу на тебя положиться, и это мне очень помогает в жизни.

Повернувшись к нему спиной, она смотрела на собравшихся людей, пытаясь хоть на ком-нибудь остановить взгляд, чтобы как-то успокоить пылающее сердце. Перед ней была лишь пустота. Страх вернулся, стал сильнее. Она понюхала свое правое запястье, на которое нанесла несколько капель амбры, любимого запаха бабушки.

В церкви было темно от народа. У Ноны было много знакомых. Она легко умела завязывать дружбу и активно путешествовала. Семейная легенда гласила, что как-то раз она ушла одна в джунгли и подружилась со всеми племенами, которые встретила на своем пути. Воз-

можно, это было не совсем правдой, но Талин хотелось верить. Нона прошла по Великой Китайской стене, плавала с корсиканскими акулами и замерзала на паковом льду. Она была искательницей запахов. Девочкой Талин всегда с лихорадочным нетерпением ждала ее из поездов, зная, что бабушка привезет ей ароматы с края света. Она считала дни до возвращения Ноны.

Все расселись в церкви. Талин увидела свою подругу Сибиллу с мужем Грегуаром. Она помахала ей, растрогавшись, что та вернулась из командировки пораньше. Солнце било в витражи и ложилось бликами на каменные стены. Отсветы ласкали статуи святых вокруг нефы. Талин вдохнула запах ладана, сухой, с древесными нотками. Он заполнял проходы и напоминал ей мессу ее детства. Гроб стоял на постаменте. Священник начал проповедь. Когда зазвучал его сильный голос, смолкли редкие шепотки.

– Дорогая скорбящая семья, дорогие братья и сестры по вере, дорогие неверующие друзья, братья и сестры по человечеству, мы собрались сегодня, чтобы проводить в последний путь Луну Керкорян, которую вы все называли Ноной и которая покинула нас в возрасте ста двух лет. В свои сто два она отличалась крепким здоровьем и была деятельна до самого конца. В некоторых смыслах она была моложе многих из нас. Нона ушла во сне. Она приняла легкую смерть. В первом послании апостола Иоанна сказано: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога»¹. Действительно, жить – значит любить. Все остальное, сущее без любви, представляется мне презренным. Не любить или утратить любовь – значит умереть. Нона была полна любви.

Талин внимательно слушала священника. «Все остальное сущее без любви представляется мне презренным. Не любить или утратить любовь – значит умереть. Нона была полна любви». Конечно, но достаточно ли было любви ей самой? Этот вопрос, которым она никогда не задавалась при жизни бабушки, не давал ей покоя сегодня. Священник продолжал свою проповедь.

– Святой Иоанн напоминает нам, что мы должны любить не словами и речами, но деяниями и истиной. Любить деяниями – это не значит обязательно совершать подвиги, но делать обычные повседневные мелочи с любовью. Быть с одинокими, больными, стариками. Больше времени уделять воспитанию своих детей. Оказывать знаки внимания своим супругам, родителям, соседям. Прислушиваться к горюющим. Навещать страждущих. Бороться за тех, чьи права попираются. Подарить улыбку, подать дружескую руку. Распространять радость вокруг себя. Все это Нона умела, как никто другой.

Ком набухал в горле Талин, но плакать она не хотела. Горе ее было таким острым, что она не могла позволить себе сейчас выпустить его наружу.

– Иисус заповедал нам держать свои светильники зажженными – это значит, что мы должны быть готовы и внимательны, когда брат или сестра, нуждающиеся в поддержке или просто в том, чтобы их выслушали, стучатся в нашу дверь. Быть рядом и подставлять плечо самым слабым из нас.

Он остановился и посмотрел на родных и друзей Ноны, которые молчали, уйдя в себя. Полные доброты и тепла слова проникли в их сердца.

– Память о Ноне навсегда останется в нас. Ее жизненный путь напоминает нам, что все богатство жизни есть любовь. На дорогах своей жизни она была с Богом, и Он сопровождал ее в преодолении испытаний. Она держала свой светильник зажженным.

От последней фразы Талин вздрогнула. «Она держала свой светильник зажженным». Это была чистейшая правда. Ночью и днем Нона освещала тьму. Она всегда была звездой для Талин. И вот эта звезда погасла.

¹ Ин 4, 7. – Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. переводчика.

Талин пришла в себя, почувствовав обращенные на нее взгляды. Наступила ее очередь сказать слово. Она с большим трудом написала это стихотворение в ту самую ночь, когда узнала о кончине Ноны. Прочесть его сейчас было выше ее сил. Она встала и шагнула к пюпитру, сосредоточившись на запахе ладана, который поднимался, как посланник молитв, которые она возносила небу. Талин закрыла глаза и собралась, надеясь, что бабушка услышит ее слова.

– Нона, ты рядом со мною была,
Теперь ты исчезла, ушла.
Ты сумела меня научить
Смеяться, дышать и жить,
На сияющем льду танцевать,
Костры на снегу разжигать.

Талин остановилась. Она была удивлена, что все внимательно ее слушают.

– Ты учила меня сочинять,
Свой мирок в себе создавать.
В смехе ветра осталась ты,
В ароматах твоей мечты.

Талин замолчала и вдруг почувствовала присутствие бабушки. Это было странно, мимолетно, но она готова была поклясться, что Нона здесь, рядом, смотрит на собственные похороны.

– Я играю, как ты учила:
Каждый запах дает мне силы,
Аромат помогает собраться,
Не отчаяться, не сломаться.

Слезы потекли по щекам Талин, и она закончила чтение дрожащим голосом.

– Нона, я так по тебе скучаю,
Как мне жить без тебя – не знаю.
Бежать, спотыкаться на каждом шагу.
Но вечность твою я в себе сберегу —
Как бесценные семена.
Я буду беречь их, как ты берегла.
Нона, ты будешь со мной, где бы ты ни была.

Заключительные слова были встречены молчанием. Потом печальные звуки органа огласили церковь, и гроб Ноны вынесли в центральный проход. Народу собралось много. Родные, конечно, потом друзья, Никос и его жена Анастасия, Джон, Кейт и другие из мира парфюмерии, во главе с экстравагантным Ивом де Ламбертеном, в окружении людей со всех концов света, знавших Нону в разные периоды ее жизни. Испанцы, бельгийцы, ливанцы, русские, китайцы... Все, кого она обучала ремеслу носа, кто работал с ней много лет, дистрибьюторы ее духов... Талин тронуло, что все они приехали проститься с ней. Когда гроб проплывал мимо, они осыпали его дождем розовых лепестков, словно пролившимся с небес. Гроб в цветах. Несшие его мужчины замедлили шаг. Покидая этот мир, Нона выслала его розами. Талин представи-

лось, что бабушка рассыпает их, эти разноцветные лепестки, как Мальчик-с-пальчик, чтобы она однажды смогла ее найти по этому пестрому следу.

Завибрировал мобильный Талин. Наверно, Матиас наконец вспомнил, что сегодня она хоронит женщину, которая была для нее важнее всех на свете. Сообщение она прочла с разочарованием. Это Шарль из Сингапура, один из ее друзей, решил ее поддержать.

Сибилла обняла Талин.

– Ты держишься? – спросила она.

– Пытаюсь. У меня еще в голове не укладывается, что ее больше нет.

– Это нормально, тебе понадобится время.

Грегуар обнял жену за плечи. Талин с грустью подумала, что Матиас редко так обнимал ее.

– Я улетаю в Мадрид через три дня, ненадолго, на двое суток, не больше. Почему бы тебе не пожить какое-то время у нас? – предложила Сибилла.

– Мы о тебе позаботимся, – тепло добавил Грегуар.

Талин отклонила предложение. Ей хотелось побыть одной, да и Матиас не поймет, если она поселится у Сибиллы и Грегуара.

– Думаешь, у тебя хватит духу прийти на мой праздник? Это некстати, я понимаю.

Сибилле через несколько дней исполнялось сорок лет, и она заранее организовала вечеринку, на которую Талин с радостью собиралась. Но это было до кончины бабушки.

– Не сердись, но вряд ли. Не думаю, что у меня хватит сил.

Церемония закончилась. Нону похоронили в семейном склепе, рядом с ее мужем Юго, умершим сорок лет назад.

После похорон все направились к ресторану на берегу моря, где был накрыт поминальный стол. Все старались поддержать Талин. Многие обнимали ее и рассказывали забавные случаи из жизни Ноны. Время шло, ей становилось все тоскливее. Арам настаивал, чтобы она осталась до конца и вернулась вместе с ними в Париж, но это уже было выше ее сил. Она не хотела сейчас же возвращаться в столицу, предпочитая укрыться в мастерской созданного Ноной предприятия. Там Талин работала, окончив Высшую школу духов. Она была «носом» и обожала свою профессию. В строении под сенью тенистого парка, недалеко от моря, находился кабинет, где она творила. Она любила это место, светлый паркет с прожилками, белые стены, отражавшие свет, окна, аркадами открытые в небо, столики из лакированного дерева, полки, уставленные флаконами, стол Ноны... У бабушки был свой кабинет, но она каждый день приходила к Талин, когда та была в Бандоле. Поэтому решено было оборудовать уголок специально для нее. Парижский офис занимался большей частью маркетинга, коммерции и пиара. Талин курсировала между ними. Ей нравилось чувствовать себя нигде.

Когда молодая женщина закрыла за собой дверь мастерской, ей стало лучше. Только что пережитые похороны, объятия, слезы, запах ладана в церкви размывались, по мере того как она погружалась в свое последнее творение. Амбра слишком суха, нужно больше округлости. Талин добавила нотку ванили, но не добилась желаемого результата: воспроизвести мелодию запахов, которую она представила себе вчера, никак не получалось. Эссенция абсента и абсолют ладана не вязались между собой, она добавила амбры, чтобы гармонизировать запах и придать ему объем, но это не сработало. Амбра, аромат Ноны... Острая боль пронзила Талин, и она посмотрела на фотографию на стене. Бабушка улыбалась ей. Молодая женщина снова ощутила пустоту, будто наклонялась над пропастью и в любой момент могла в нее упасть. Нона умерла – как же так? Талин облокотилась на стоявшую напротив этажерку. Бабушка унесла с собой последний аромат детства. Нет, она не переживет этого испытания... Как продолжать свой путь без любви Ноны? Ее молодость была полна сквозняков. Одна лишь бабушка умела

закрывать двери и принести немного тепла. После ее ухода Талин чувствовала только страх и холод.

Она всегда умела слиться с ароматами, которые придумывала, но сегодня не могла. Молодой женщине хотелось создать композицию, которая воздала бы должное сложной натуре бабушки, ее силе, ее доброте, ее тайне. Ей нужен был лимон, альдегид, шафран, роза... Что еще? Она взяла флакон из своего набора ароматов. Толуанский бальзам, да, вот чего не хватало! Возбуждение охватило ее. Это особое состояние давало жизнь ее лучшим творениям, она это знала. Когда она воспринимала мир через органы чувств, срабатывала магия.

Талин открывала склянки, нюхала их, ставила назад, брала другие. Композиция запахов, которую она создавала, оказалась тонкой, одновременно глубокой и легкой. Она пыталась уловить душу Ноны. Эту смесь силы и нежности, ее пламенное присутствие, ее живой смех и теплый голос. Вдыхая разные ароматы, Талин шла по следам этой удивительной женщины. Она возвращалась к радостям детства. Обоняние у нее всегда было исключительное. Благодаря этому дару, унаследованному от Ноны, ее с малых лет одолевали бурные эмоции. Помимо игры в запахи она привыкла с детства убежать в душистые грезы, рожденные из повседневности. Теплый хлеб, клей и цветы, трава после дождя, мазут... Сны наяву успокаивали. Талин улавливала все запахи – безмолвные, безымянные, скрытые, на которые никто не обращал внимания. Она запирала их в своей памяти. Некоторые из них иногда пробуждались спустя годы. Талин всегда поражалась, с какой точностью они раскрывались. Как будто время защищало их, сохраняя живыми.

Снова ощущение отсутствия. Ноны больше не было на Земле. Она никогда не вернется. Талин положила ладони ладонями на стол и сосредоточилась на дыхании. «Какой запах у горя?» – спрашивала она себя. Металлический, жгучий, ледяной. Разные запахи теснились в ее памяти. Запах асфальта после дождя смешивался с духом заплесневелой губки, старого ранца, найденного однажды в шкафу, прозрачной пластмассы летних сандалий и потеков мазута, оставленных парходами на пляжах ее детства. Только запахи во всей их непохожести могут выразить и сделать выносимой боль. Она нашла аромат горя по Ноне. Она будет вспоминать его всякий раз, когда взгрустнется. Так она делала всегда. Каждое событие, хорошее или плохое, ассоциировалось для нее с особым запахом, живым запахом, защищавшим ее от злого мира и от собственных эмоций. Она научилась воспринимать события носом.

Она знала, что скоро придется освободить дом Ноны, расположенный в верхней части Бандоля. Бабушка хотела бы, чтобы это сделала она, только она. Пока она была не в силах туда вернуться. Ключи лежали в сумке, но перспектива оказаться там повергала ее в ужас. Она представила себе запахи пустого дома. Железо, скисшее молоко, застоявшаяся вода, разбитые яблоки в саду на бледной траве...

Где ты, Нона?

Дверь мастерской открылась.

– Талин, можешь утвердить дизайн «Золотой Луны»?

Жереми, арт-директор предприятия, разложил картинки на прямоугольном столе. Его длинные волосы были схвачены обручем, он надел потертые джинсы и одну из своих любимых футболок с надписями. «Be free» золотыми буквами: «Будь свободным». Нона любила свободу, и те, кто работал на нее, должны были быть собой.

– Как тебе? – спросил он.

Флакон темно-синего стекла с золотым ободком, сверху опаловый кабошон. Талин перечитала текст, который сама написала той же ночью, когда были созданы духи: «Золотая Луна в долине лилий, брызги рассвета на розовом тумане. Мир засыпает, солнце в ночи. Жар грез, перламутровый дождь». «Золотая Луна» будет первыми духами, выпущенными в продажу без Ноны.

– Тебе нравится? – спросил Жереми.

– Да... – рассеянно отозвалась она.

Жереми собрал картинки и подошел к ней.

– Ты уверена, что все хорошо? Тебе что-нибудь нужно?

Мне нужна Нона.

– Все хорошо, спасибо.

– Нам ее тоже очень не хватает, – добавил молодой человек.

Он положил руку ей на плечо, улыбнулся и тихонько закрыл за собой дверь мастерской.

2

Талин смотрела на пейзаж, убегаящий за окном скоростного поезда, который вез ее в Париж; чрезмерная усталость мешала думать о том, что ее ждет. Всю дорогу она прокручивала в памяти запахи, как пианист играл бы гаммы. Она усиливала их, приглушала и смешивала с другими, изобретая самые невероятные сочетания, позволявшие ей, давая волю своей креативности, создавать эфемерные ароматы. Ничего больше для нее не существовало, кроме этих душистых симфоний, защитным экраном заслонявших ее от мира.

Когда она оказалась дома, тишина квартиры показалась ей невыносимой. Талин прошла по длинному коридору в гостиную и повернула выключатель. Брызнул холодный свет. По белым стенам были развешаны современные картины. В почти пустой комнате стоял бежевый диван, два кресла и стол. Матиас дал очень четкие указания своему дизайнеру. Он хотел строгий интерьер, свободное пространство, без прикрас. Талин при переезде не имела права на свое слово. Она выпила стакан воды в современной безликой кухне. Серые лакированные шкафчики, рабочий стол, холодильник последней модели, все было идеально и бездушно. Картинка из журнала. Она отправилась в ванную, достойную пятизвездочного отеля. В спальне ее просто затоснило. Кровать стояла целое состояние, как и платяной шкаф, сделанный на заказ. Расхаживая по квартире, в которой она жила два года, Талин поняла, до чего ей здесь неуютно. Она здесь ничем не дорожила. Матиас не позволил ей переехать со своими книгами, они-де займут слишком много места и испортят строгость интерьера. Молодая женщина часто с грустью вспоминала самое начало их романа, когда он был внимателен ко всему, что она делала, постоянно ее подбадривал, оказывал поддержку любой ее затее. Матиас в ту пору проявлял живой интерес к ее профессии, к духам, которые она создавала, к их составу и разным этапам выпуска в продажу. Но его поддержка быстро сошла на нет и сменилась неприятными замечаниями, выбивавшими ее из колеи. Он дошел до того, что жаловался на головную боль от ее духов, и она мало-помалу перестала пользоваться парфюмом. В какой момент его поведение изменилось до такой степени, что теперь ей казалось, будто она живет с посторонним человеком? Талин на миг задалась вопросом, что она вообще делает в этой мрачной и чужой жизни. Она заглянула в свой телефон. Матиас по-прежнему не подавал признаков жизни. Талин почувствовала себя потерянной. С ней это уже бывало, в такие вечера она всегда бралась за телефон, чтобы позвонить Ноне. Она делала вид, что все хорошо, измышляла повод для звонка бабушке, что-то важное, что будто бы забыла сказать днем. Нона все понимала, но принимала игру. Она всегда знала, что сказать, чтобы внучке стало лучше. Талин отправила сухое сообщение Матиасу. Она ждала от него весточки именно сегодня и не понимала его молчания. Без Нониной защиты она чувствовала себя неспособной сопротивляться, продолжать жить. Как будто вдруг осознала все свои слабости, с тех пор как бабушка больше не опекала ее. Ее отношения с Матиасом предстали во всей своей наготе. Он трудился в банке, был поглощен работой и много путешествовал, толком даже не видя при этом мир. Поэтому ли она его выбрала? Ей вспомнились прозвучавшие утром слова отца: «Я было подумал, что и он от тебя сбежал». Все ее романы кончались неудачей, все без исключения. Она вдруг спросила себя, любит ли Матиаса. Она, собственно, никогда не задавалась этим вопросом. Почему же вдруг подумала обо всем этом сегодня вечером? Ей хотелось позвонить Ноне, сказать, что без нее все стало другим. Что в этом мире можно было жить лишь благодаря ее отрадному присутствию, и без нее ей не выжить. Она набрала ее номер. Автоответчик отозвался голосом Ноны, веселым, певучим. Она оставила сообщение.

– Нона, я скачаю по тебе. Вернись, пожалуйста.

Почувствовав себя смешной, она отключилась. Часы показывали девять. Вечеринка по случаю дня рождения Сибиллы началась около часа назад. А может, пойти? Все лучше, чем оставаться сегодня вечером одной. Она приняла контрастный душ и взбодрилась. Выбрала в шкафу шелковое платье, черное в красных розах, и босоножки на каблуках. Причесалась, тщательно накрасилась и нанесла на запястья несколько капель Нониной амбры.

На улице было жарко. Талин взяла такси и через пятнадцать минут подъехала к дому Сибиллы. О своем приезде она подруге не сообщила. Она снова заглянула в мобильник, не ответил ли Матиас, но он молчал. Талин позвонила в домофон, дверь открылась. Лестница в доме подруги была деревянная, покрытая толстым красным ковром. Когда она поднялась на третий этаж, ей захотелось повернуть назад. Что она здесь делает? Дверь открылась. Сибилла смотрела на нее, вытаращив глаза.

– Я так рада, что ты пришла! – воскликнула она, обнимая ее.

Сибилла всегда была для нее воплощением женственности. Ее большие синие глаза были подведены черными стрелками, длинные волосы цвета воронова крыла ниспадали до талии, красное платье облегалo роскошное тело. Сибилла потащила ее внутрь, где толпились полсотни человек, многих Талин не знала. Она поздоровалась издалека и поспешно ухватила за бокал шампанского, как за соломинку. Квартира Сибиллы и Грегуара была красочной. Бархатные банкетки и кресла, бирюзовые ковры в золотую крапинку. Все вместе создавало теплую, живую атмосферу. Талин направилась к окну. Было десять часов, солнце клонилось к закату, и небо окрасилось в ярко-голубой цвет, как бывает долгими летними вечерами. Она распознавала запахи, веяло смесью пряных духов, табачным дымом, потом, пищей... Она вышла на террасу. Солнце садилось, и на небе проступали звезды. Талин принялась их считать. Чем пахнет звезда? Раскаленным углем, сахарной ватой, свечой... Она почувствовала, что рядом кто-то есть, но не повернула головы. До нее долетел приятный запах с древесными нотками. Она попыталась определить, кто его владелец. Мужчина, брюнет. У каждой кожи свой индекс РН. Некоторые «подслащают» духи, на других они киснут, свертываются.

– Я часто задавался вопросом, одни ли мы во Вселенной. Как вы думаете?

Голос был низким и глубоким. Талин удивил вопрос – такой близкий к тому, что она чувствовала. Она по-прежнему смотрела прямо перед собой. Мужчина молчал, и ей это понравилось. Ей не было неловко в его присутствии, и это тоже удивило Талин. Обычно она сохраняла дистанцию и терпеть не могла, когда незнакомцы вторгались в ее жизненное пространство.

Она почувствовала, что он рассматривает ее, и повернула голову. Их взгляды встретились. У него были темные глаза, живые и теплые, черные волосы с проседью, квадратное лицо. Она улыбнулась про себя: он был именно таким, как она угадала по духам.

– Добрый вечер, – улыбнулся он ей.

– Добрый вечер, – отозвалась Талин.

– Кто вы?

– Боюсь, мне понадобится целая жизнь, чтобы узнать это, – лаконично ответила она.

Он рассмеялся.

– Я не претендовал на столь многое! Уточняю вопрос: вы подруга Сибиллы?

Она улыбнулась.

– Но мне интересно было бы узнать и кто вы сама по себе, – добавил он лукаво.

– Я подруга Сибиллы.

– Меня зовут Антон, – сказал он, протягивая ей руку.

– А меня Талин.

– Армянка?

Вопрос смутил ее. Люди редко распознавали ее происхождение.

– Моя бабушка, да, и это, кстати, она выбрала мне имя. Как вы угадали мои корни?

– Потому, что вы носите имя города в Армении. И вдобавок потому, что я тоже армянин.

Она всмотрелась в него внимательнее.

– Вы близки с вашей бабушкой? – спросил он.

Грусть снова захлестнула ее.

– Была, да. Она недавно умерла...

– Мне очень жаль, – сказал Антон и накрыл ее руку своей.

От этого жеста ей полегчало. Она посмотрела на Антона, он выглядел искренним.

– Что значит для вас быть армянкой? – спросил он.

Этот вопрос ей задавали впервые. Она никогда об этом не задумывалась.

– Ничего не значит.

Он с сомнением поджал губы.

– Правда?

– Я не росла в политизированном мире. Мои родители дома никогда ни о чем таком не говорили, бабушка тоже. Только одну вещь они мне рассказали, и от этого мне снились кошмары все детство. Можно было бы без них обойтись.

Она не стала добавлять, что они до сих пор иногда ей снятся.

– Что же это за «вещь»?

– Это неинтересно, – сухо ответила она.

– Вы уверены? Может, предоставите мне судить?

– Не хочу быть причиной ваших будущих кошмаров.

– Не бойтесь! – ответил он.

– Моему прадеду турки отрубили голову. Они насадили ее на пику и напоказ выставили на неделю в городе.

– Вам рассказали это и больше ничего не объяснили?

– Да. Так что, отвечая на ваш вопрос, быть армянкой для меня – значит мучиться ночными кошмарами.

Он засмеялся, и Талин расслабилась. Завибрировал ее мобильный. Матиас прислал первое сообщение с тех пор, как улетел в Нью-Йорк три дня назад. «Очень сложный контракт, придется задержаться на несколько дней. Предупреждаю заранее». Ничего о Ноне, ни слова утешения. Смеяться над этим или плакать?

– Плохая новость? – спросил Антон.

– Нет, ничего особенного.

Она повернулась к нему.

– А для вас что значит быть армянином?

Он задумался.

– Вписаться в череду поколений, в общую историю, свидетельствовать о прожитом, знать ему цену и, главное, научиться жить. И, надеюсь, воплощать некий гуманизм.

Талин не ответила. Она сказала правду, быть армянкой для нее ничего не значило. Поэтому она удивилась тому, чем поделился с ней Антон.

– Как звали вашу бабушку?

– Луна Керкорян, но все называли ее Ноной. Она дожила до ста двух лет, и я была уверена, что она никогда не умрет.

– Почему?

– Так думали все, кто видел ее. Она обладала такой силой... Никогда не давала слабину. Я была убеждена, что смерть испугается и оставит ее в покое.

Антон не удержался от улыбки.

– Когда это случилось, я не поверила, – добавила Талин.

Она помолчала.

– По правде сказать, я до сих пор не могу поверить.

– Когда вы о ней говорите, я чувствую, как много она значила для вас.

– Нона была мне как мать. Это она меня вырастила.

– Она никогда не упоминала об Армении?

– Нет. Я знаю только, что она родилась в Сирии и жила в Бейруте. У нее не было счастливого детства, и она никогда о нем не говорила.

– Вы хотели бы узнать больше о ваших корнях?

– Зачем? – ответила Талин.

Он смотрел на нее, но она не могла угадать, о чем он думает. К ним подошла Сибилла и протянула два бокала розового шампанского. Они чокнулись. В летнем небе сияли звезды. Видела бы Нона, подумала Талин, как она пьет с друзьями шампанское с разорванным на куски сердцем. Сибилла повела ее в гостиную. Антон задумчиво проводил ее взглядом.

Через несколько дней Талин встретила с братом у нотариальной конторы близ Елисейских Полей – у дома с высоким, недавно отреставрированным каменным фасадом цвета светлого песка, характерного для османовских зданий.

– Мама уже пришла? – спросила Талин.

– Она наверху.

Арам толкнул тяжелую дверь.

– Это выше моих сил, – сказала Талин.

– Спокойно, идем. Я с тобой.

Он обнял ее за плечи, и ей полегчало. Они направились к лифту. На четвертом этаже позвонили и вошли в контору. Талин сосредоточилась на толстом сером ковровом покрытии. Запах клея говорил о том, что его недавно меняли. Секретарша провела их в просторный кабинет. Их мать сидела за столом. Она горячо поцеловала Арама и едва коснулась губами щеки Талин. Молодая женщина, хоть и привыкла к этой разнице в отношениях, невольно ощутила знакомую боль. От аромата розы, которым душилась ее мать, ей вдруг стало грустно. Женщина-нотариус пожала ей руку.

– Добрый день, я Мартина Ледюк, душеприказчик вашей бабушки. Садитесь, пожалуйста.

Талин и Арам сели рядом с матерью.

– Ваша бабушка поручила мне прочесть вам ее завещание. Братьев и сестер у нее не было, так что вы – прямые наследники.

Она взяла в руки один из документов.

– У нее была недвижимость в Бандоле, где она жила, недвижимость в Нормандии, семейное предприятие, которое она создала, драгоценности и три страховки. Дом в Нормандии завещан вам, Арам, а также одна из страховок.

Она обратилась к матери Талин.

– Вторая страховка на ваше имя, мадам, а также список драгоценностей, который вы найдете здесь.

Она протянула ей папку.

– Талин, вы наследуете последнюю страховку, семейное предприятие, дом в Бандоле и остальные драгоценности.

Повисло молчание. Талин почувствовала неодобрительный взгляд матери, и ей стало не по себе. Арам ничего не говорил, только смотрел на документы, которые нотариус прокручивала на экране.

– Я попрошу вас ознакомиться и подписать несколько документов.

Талин посмотрела на мать, та отвела взгляд. Нотариус разложила перед ними бумаги и указала, где они должны поставить подписи.

– Я хотела бы переговорить с вами несколько минут с глазу на глаз, – сказала она Талин.

Мать уставилась на нее. Талин смущенно опустила голову. Что же ей хотят сказать? Когда они остались одни, нотариус достала из ящика стола большой бежевый конверт и протянула его Талин.

– Ваша бабушка оставила это для вас. Есть инструкция: вы должны открыть его только в ее доме в Бандоле.

Талин убрала конверт в сумку. Нотариус проводила ее в предбанник. Брат ждал ее на улице, мать ушла, даже не попрощавшись с ней. Арам обнял ее за плечи.

– Все хорошо? – спросил он.

– Да...

Что-то побудило ее не говорить Араму о конверте. Она чувствовала себя хранительницей тайны.

– Мама, кажется, рассердилась...

– Не волнуйся, сестренка. Ты же знаешь, какая она. Это пройдет.

– Нет, не пройдет, сам знаешь. Она всегда меня не выносила.

– Не говори так.

– Но это правда! Все это знают, не прикидывайся. Это секрет Полишинеля.

Арам смутился.

– Зачем делать вид, будто она меня любила, но не умела этого выразить? Мне от этого не легче.

– Она несчастна, вот и все.

Талин вскинула на него глаза.

– Ты всегда ее защищаешь.

– Это я тебя пытаюсь защитить. Не прощу себе, что не смог защитить тебя как следует.

– Защитить меня от чего?

– От родителей в том числе.

Талин была тронута. Она уставилась на свои ногти на ногах, покрытые ярко-красным лаком.

– А тебя кто защищал?

– Я не нуждался в защите. Я старший, я мужчина. Мне было легче.

Она повернулась к нему и спросила:

– Что мне делать с домом в Бандоле?

– Ты могла бы в нем поселиться.

– Ты серьезно?

– Почему бы нет? Ты всегда его обожала.

– Я любила его, потому что там была Нона. Без нее это просто дом.

– Он никогда не будет просто домом, ты же знаешь, – ответил Арам. – Ты всю жизнь работаешь без передышки. Почаще уезжать из Парижа пойдет тебе на пользу. Здесь становится нечем дышать.

– Я могу найти другую перевалочную базу в Бандоле.

– Я знаю. Я говорил не о базе, а о месте для жизни.

– Зачем?

– Чтобы осесть, Талин.

Она вытаращила глаза.

– Где осесть? Зачем?

– Ты сама осознаешь, какую ведешь жизнь?

Она напряглась, уже зная, что он скажет.

– Что ты делаешь с этим парнем?..

– Его зовут Матиас.

Арам раздраженно дернулся.

– Матиас... Что ты в нем нашла, черт побери? Его вечно нет, а когда он возвращается в Париж, у него все под контролем. Он и тебя контролирует, ты ни с кем больше не видишься.

Она вымученно улыбнулась.

– Что ты несешь? Матиас много работает, это правда, но когда он в Париже, мы ведем очень приятную жизнь. Бываем на людях, беседуем, видимся с друзьями...

– С какими друзьями – его? – воскликнул Арам. – Потому что с твоими друзьями ты больше практически не видишься.

– Я вижу с Сибиллой и Грегуаром, и с Шарлем тоже...

– Он живет в Сингапуре!

Он заставил ее взглянуть ему в лицо.

– Ты изменилась, с тех пор как живешь с ним. Почему ты не говоришь мне, что происходит?

– Ничего не происходит, уверяю тебя.

Тревога захлестнула ее. Она ощущала странную дрожь во всем теле. Каждая клеточка опасно вибрировала, грозя распадом. Она заставила себя улыбнуться Араму. Они шли молча. Дойдя до своей машины, Талин остановилась и повернулась к нему.

– Ты не сердись на меня?

– За что мне на тебя сердиться?

– За то, что Нона оставила мне больше, чем тебе.

– Она любила тебя больше всех, ты была ей как дочь.

Слезы потекли по щекам Талин. Она больше не пыталась их сдерживать.

– Лучшим решением было бы, наверно, продать дом.

– Ты шутишь? – воскликнул брат.

– С ним связано слишком много воспоминаний. А Ноны больше нет. У меня даже нет сил туда вернуться.

– Потерпи немного. Там будет видно. Слишком рано принимать такие решения.

У машины Арам обнял ее. Она села за руль, помахала ему рукой и уехала.

Всю неделю Талин изнуряла себя работой. Матиас прислал ей еще одно сообщение: контракт, над которым он работал, оказался сложнее, чем ожидалось, ему пришлось задержаться в Нью-Йорке еще на несколько дней. Несмотря на страх одиночества, Талин вздохнула с облегчением. В пятницу она купила билет на поезд и покинула Париж. На вокзале в Марселе взяла напрокат машину и направилась в Бандоль. Ее окружала густая растительность, разные оттенки зеленого смешивались в восхитительную палитру.

Молодая женщина свернула с шоссе и несколько минут ехала по проселку. Она остановила машину у зеленых ворот, покрашенных три месяца назад, и нажала кнопку пульта. Проехав по узкой аллейке, припарковалась у каменной лестницы. Талин хотела вернуться в дом Ноны одна и теперь смотрела на высокий розовый фасад гармоничных пропорций. С обеих сторон тянулся сад, густой и цветущий. Талин открыла дверь и вошла. Она ожидала, что вот-вот появится бабушка, ее жилет еще висел в прихожей. В гостиной все осталось как было. Голубые занавески закрывали французское окно, миндально-зеленый диван был накрыт любимым пледом Ноны. Талин запустила руку в сумку и потрогала пухлый конверт. Было ли в нем нечто большее, чем последняя воля Ноны? Решилась ли бабушка довериться перед смертью? Узнает ли она что-нибудь? Сердце Талин забилося чаще. Может быть, лучше порвать конверт? Никто ничего не узнает... Она отмахнулась от этой мысли, любопытство было сильнее. Как она может подвести Нону?

Талин положила письмо на стол, но не вскрыла. Ей хотелось пройтись вокруг дома, вернуться в знакомые места, повременить. Она поднялась по лестнице. На втором этаже заглянула в спальню Ноны, но была не в силах туда войти. Она пошла дальше по коридору в свою

комнату. Солнечные лучи ложились на золотисто-желтые стены и потому казались еще ярче. Сильное волнение захлестнуло ее. Голубые этажерки, розовый ковер, занавески цвета морской волны окутывали комнату мягким светом. Талин села на кровать, на которой спала всю свою юность и даже после, когда уже работала в Бандоле. Она сбросила туфли и положила голову на подушку. Солнце просачивалось сквозь занавески, и на паркет ложились пятна света. Талин расслабилась и на несколько минут задремала. Открыв глаза, она повернула голову к двери. Ей казалось, что Нона здесь, ее амбровый аромат пропитал дом. Талин вышла из комнаты и наконец, собравшись с духом, вошла в спальню бабушки, которая перекрашивала ее каждый год. В прошлом году в чести был цвет морской волны, но в конце зимы Нона перекрасила все в голубой. Талин открыла платяной шкаф. Одежда, разложенная по цветам, образовала пастельную радугу, расцветенную там и сям более яркими оттенками. Нона всегда была изысканно одета, покрашена, надушена. У нее было врожденное чувство стиля, которое она сохранила до конца жизни.

Талин спустилась вниз. Конверт терпеливо ждал на столе. Она направилась к веранде, которую Нона пристроила слева от гостиной. Они вдвоем часто сидели там, беседовали, читали, иногда выпивали. Талин прижала конверт к груди. Она боялась того, что ей предстояло обнаружить. Нона никогда ничего не делала сгоряча, она не оставила бы ей этот конверт, если бы в нем не содержалось что-то важное. Сделав над собой усилие, Талин открыла его. Внутри лежал запечатанный документ и еще один конверт, поменьше, на котором было написано: «Вскрыть в первую очередь». Талин повиновалась и достала несколько листков, исписанных почерком бабушки.

Дорогая моя Талин,

Я представляю себе, как ты в этом доме, который теперь твой, вскрываешь этот конверт, не зная, что в нем. Не спеши, сядь поудобнее, оглядись. Подыши. Я ближе к тебе, чем ты думаешь.

Талин подняла голову и повиновалась. Она удобно уселась в шезлонг и закуталась в плед Ноны, чей амбровый запах пропитал каждое волокно. Постаралась дышать как можно медленнее и продолжила чтение.

Ты – самое большое счастье моей жизни. Когда ты родилась, я пришла в роддом и полюбила тебя, едва увидела. Ты была самым чудесным подарком, какого только можно ждать от жизни. Прелестный младенец, веселый, улыбающийся. Девочка – солнечный лучик. Я, может быть, не должна бы тебе этого говорить, но, увидев тебя, я впервые стала матерью.

В каждой семье есть тяжкие секреты, незримые узы, бремя, передающееся из поколения в поколение. Мы выходцы из народа, который много страдал. Каждый народ несет в себе свои трагедии и надежды. Мы образуем единую человеческую цепь, каждый из нас призван неустанно узнавать, понимать, исправлять. Я хочу, чтобы, благодаря тому, что откроешь, ты смогла наконец жить своей жизнью и быть счастливой. Ты этого заслуживаешь, дорогая моя девочка, хотя до сих пор твоя чрезмерная чувствительность отчасти этому мешала. Я знаю, что она бесценна, когда ты создаешь духи, но зачастую оборачивается мучением в повседневной жизни. Пусть то, что ты откроешь, ответит на твои вопросы и принесет покой, который тебе так необходим. Я надеюсь, что ты простишь меня.

Я люблю тебя, дорогая моя детка. Не забывай, что я жива.

Нона

PS: Теперь ты можешь вскрыть второй конверт.

Талин удивил тон этого письма. «Я надеюсь, что ты простишь меня». Что Нона имела в виду? Она последовала бабушкиным инструкциям и вскрыла конверт. В нем была записка, написанная бабушкиным почерком, и маленькая карточка цвета розовых лепестков.

Мы с тобой часто играли в запахи. Я предлагаю тебе три душистых путешествия по следам твоих корней. Ты должна проходить маршруты последовательно, один за другим, не перескакивая. Будь очень внимательна, каждое слово важно. Счастливого пути, Талин.

Талин достала карточку.

ТАМ, ГДЕ РАСЦВЕТАЕТ ЖАСМИН, НАХОДИТСЯ ПЕРВЫЙ КЛЮЧ.

Талин сразу поняла, что имела в виду Нона. Она вышла в сад и направилась к душистым кустам пониже дома. Жасмин был первым запахом, который бабушка научила ее узнавать. Она вспомнила, как ребенком, закрыв глаза, вдыхала аромат этого цветка. Она наполняла им легкие до головокружения. Кусты были на месте, перед ней. А что теперь? Она подняла глаза, не зная, где искать. Камень на земле привлек ее внимание. Талин сдвинула его в сторону и обнаружила под ним вышитый лоскуток. Она погрузила руки в землю и порылась. Появилась маленькая завернутая в пузырчатую пленку шкатулка. Она взяла ее и развернула. Шкатулка из светлого дерева, инкрустированная перламутром, была заперта на ключик из кованого железа. Талин поднялась, прижимая к груди драгоценную находку. Солнце пробивалось сквозь листву, слегка приглушавшую его. Она любила свет Юга, он давал ей энергию.

Талин вернулась в дом, там было прохладнее. Светлую плитку на полу заливало солнце. Молодая женщина направилась к веранде и села в шезлонг. Она снова ощутила отградное присутствие бабушки. Было ли это связано со стоящей перед ней деревянной шкатулкой? Или с домом, носившим на себе ее отпечаток? Талин повернула ключик и осторожно подняла крышку. Она достала еще один вышитый лоскуток, в котором снова оказался сверток из пузырчатой пленки, заклеенный коричневым скотчем. Развернув его, она обнаружила тетрадь в кожаной обложке на ремешке. Она расстегнула его. Заголовок был написан летящими буквами: *Маленькая поэтесса из Мараша*. Прямо под ним имя: *Луиза Керкорян*. Первая страница была исписана красивым почерком, изящным и ровным. Она начала читать.

Первая тетрадь

3

Моим домом стала Земля. Я жила в стольких местах, что они перепутались и смешались, образовав горькое и смачное кушанье, которое я хочу отведать не спеша. Сегодня свет моей жизни подрагивает, и я люблюсь безмятежностью неба. Мой дом – земля. Он маленький и уютный, прилепившийся к склону горы. Когда я открываю утром окно, воздух безбрежности пьянит меня, и я смотрю на такую красивую долину. Моя Кадиша... Здесь начинается мой путь к воскресению зари. Болит спина, и не гнутся руки от возраста. Я люблю это тело, непрестанно звонящее колоколом моих воспоминаний. Оно – картограф моего прошлого. Оно сохранило его ухабы, горы и бурные моря. Я созерцала столько лун и собирала столько обещаний...

Открывается дверь, и Йорайя, дочь моих соседей, входит в комнату, как и каждое утро. Ее кудрявые волосы рассыпаны по плечам, поцелуем птички она касается моего лба.

– Доброе утро, Луиза!

– Доброе утро, Йорайя. Ты смотрела сегодня на небо?

– Да.

– Оно сказало тебе что-нибудь?

Йорайя, смеясь, качает головой. А ведь небо разговаривает. Трепетом своих облаков, светом своей луны, жаром своего солнца, внезапностью своих дождей. Сегодня ни одно облачко не затеняет его сияющей синевы. Я часто задираю голову к небу, чтобы прочесть на нем мой путь. Порой глаза мои ничего не видели, а иногда страницы были попросту пусты. А бывало и так, что я не могла прочесть написанное на песке моей жизни. Или море спешило стереть следы. И оставались тогда на берегу только камни и острые ракушки.

Я готовлю чай. Крепкий, как я люблю, чтобы прогнать ночную дрему. На мне старый халат моей свекрови, память об Алеппо. Сколько воспоминаний усеивают, сталкиваясь, мою память... Я направляюсь в гостиную. Комната маленькая, но в ней можно вволю мечтать. Я часто сажусь в старое кресло и отпускаю мысли бегать по облакам. Пишу незримые стихи нитями времени. Как знать – быть может, ангелы, уютно устроившиеся в космосе, когда-нибудь сумеют их прочесть... Сколько себя помню, я всегда ощущала их присутствие. Но должна сказать, ни одно лицо так и не показалось! Может быть, я слышала лишь свое собственное эхо. Какая разница? Жизнь есть движение.

Я родилась богатой, но богатство улетело, как туча птиц. Я никогда не имела ничего, кроме слов. Ни меда, ни оливковой косточки. Только мои воспоминания принадлежат мне. Они словно запечатлелись во мне зыбкими следами. В иные дни их освещает солнце, в иные ночи овеивает ледяной вихрь.

Ребенком я слушала, как пробуждается дом моего деда. Мы жили в Мараше, в Турции. В этом городе, недалеко от Сирии, я и родилась. Мой дед Овсеп Керкорян, армянин, был депутатом турецкого правительства.

Он напоминал мне рифы в море, укрытые бурными волнами, но выступающие из воды при отливе. Я вспоминаю все это уже несколько дней, распаковывая сундуки своей памяти. Вчера утром я открыла золоченую шкатулку, где хранились памятные бумаги. Они словно стая разноцветных бабочек, и я смотрю, как они разлетаются. Я нашла мои давние стихи и читаю по одному каждый день. Иногда я толком не знаю, кто пишет чернилами на белом листе.

Вдохновение – оно как ветер. В иные дни дует сильно, а в другие его вовсе не слышно. Я смотрю на мои тетради, пожелтевшие от времени. Прикасаюсь к их шершавой поверхности и возвращаюсь на годы назад, в пору моего детства. Пение воды в фонтане, мамин лавандовый

запах, фигура деда... Тихонько уходит утро, такое же, как в Кадише. Я тронула другую тетрадь, и ее кожаная обложка обожгла меня. Это прощальная тетрадь, полная криков и маков. Мои мысли – их несут воробьи, которых я кормлю каждый день, как делала всегда, – пробили себе дорогу сквозь облака.

Наверно, если бы я не смотрела, как живет дед, и не выросла в его доме, то погрузилась бы в пучину отчаяния. Но когда живешь подле человека, который до такой степени впитывает солнечный свет, можно ли поверить в тень? Я часто приходила в его большой кабинет и задавала множество вопросов, на которые он всегда отвечал. Наш дом был построен буквой U, в несколько этажей. В центре раскинулся большой двор с бассейном из флорентийского мрамора. В городе было много источников, и вода текла днем и ночью. Я слышала ее в ночной тишине, когда с восторгом устремляла взгляд к звездам, дремлющим в темно-синем небе. Вода всегда была для меня лучшей в мире музыкой, богатой множеством звуков: бурное море, журчащий ручеек, быстрая река, хрустальный водопад, безмятежный фонтан...

Дед был важным человеком. Он занимался коммерцией и владел несколькими филиалами в Манчестере, Константинополе и Бейруте. У него был даже банк, которым управлял мой отец, и многочисленные владения: леса, стада овец, фисташковые плантации... Мой отец познакомился с моей матерью в деловой поездке в Бейруте, их свадьбу сыграли в Париже, а после этого они отправились в путешествие по Европе. Мама казалась мне еще прекраснее, чем луна в те ночи, когда она полная. Каждый вечер она целовала меня в щеку, и ее аромат лаванды расцветал по всей комнате. Она выглядела феей, почти бесплотной – такой была ангельски терпеливой. Нас было трое детей, и мы постоянно оспаривали друг у друга ее любовь. Когда она устремляла взгляд на нас, мы прикасались к тайне. Ее черные зрачки чудесным образом переносили нас в более милосердный мир.

Мой старший брат Пьер был самым буйным. В семь лет один из слуг выловил его из большого бассейна во дворе, куда он нырнул, не умея плавать. От неопишуемого страха дрожали даже стены дома, пока дед всеми силами пытался его откачать. Его не ругали, потому что достаточно было маме посмотреть на него, чтобы он успокоился. Так и вижу его, лежащего на итальянском мраморе, отчаянно ищущего в мамином взгляде доступа в ее зачарованный мир и видящего в нем только горе и тревогу. Он закрыл глаза и поднялся, не сказав ни слова, маленький и пристыженный. Потом удалился, еще мокрый, оставляя за собой лужицы, словно собирался утопить свое горе, и рухнул на кровать, заливаясь слезами. Папа запретил маме его утешать. Я оставалась рядом с ней, пока она заканчивала работу над вышивкой, но сердце ее было на постели, где рыдал ее сын, чудом спасшийся от горестей детства.

Мария, наша младшая сестренка, была очень хрупкой. Все заботились о ней бесконечно бережно. Она не должна была делать резких движений и слишком напрягаться, утомляя свое сердечко. Мама часто ласкала ее. Я могла бы обидеться на такое неравное распределение любви. Но дед привил мне немного своей доброты, и я многое понимала, не задавая вопросов.

По субботам вся семья отправлялась на прогулку к чудесному месту, где было не меньше сорока источников. Мы устраивали там пикник, смеялись, бегали и кричали, обращая свою невинность к доброму небу. Пьер однажды нашел скарабея, который полз по стеблю. Серебристо-голубые отблески его крыльев были до того красивы, что мы так и стояли, глядя на него, пока наше созерцание не нарушили голоса взрослых. Пора было домой. Что случилось с тем прекрасным скарабеем, когда людское безумие замарало это место грязью? Иссякли ли источники?

Мы ездили в коляске в построенную дедом школу. Там царила гнетущая серьезность, являвшая резкий контраст с нашим миром детства. Армянские монахини-католички не шутили с ритуалами. Нам полагалось молча пройти в строгий двор и, построившись парами, шагать в класс. Пьер учился в другом здании, с мальчиками, и мы его никогда не встречали.

Монахини давали уроки, и, хотя дед запретил телесные наказания, дисциплина у нас была строжайшая. Я сидела у окна. Когда уроки затягивались, я смотрела на небо. Все мое существо подхватывала волшебная волна, я покидала класс и улетала на свободу. Что-то билось в моей груди, что-то, не желавшее сидеть взаперти в моем детском теле. И всегда звук голоса приводил меня в себя. Безбрежность должна была вернуться в свое маленькое воплощение, и мне казалось, будто я слышу, как она плачет внутри меня. Я писала в школьной тетради, пытаюсь сосредоточить свое внимание на том, что слышала. Но разве школа могла объяснить несказанное? Разве подготовили меня к тому, что мне предстояло увидеть несколько лет спустя? Разве было что-то в моих тетрадях по арифметике, что научило бы меня, как защититься от зверств?

В иные дни я возвращалась домой усталая, чувствуя себя бедной и обездоленной. Я терла сердце о душу, как камень, надеясь высечь искру. Дед всегда чувствовал по моему виду, что день выдался плохой и пустой. Тогда он брал меня за руку и всегда находил что мне показать. Чтобы я могла сесть за его письменный стол, он клал на стул несколько толстых словарей, и я усаживалась на них, трепеща от счастья. Его стол был сделан из цельного дерева. Я клала на него локти, как это делал он, и мысленно обращалась к сановным особам, которых так часто видела перед ним. Потом я гладила рукой его бювар из черной кожи, от которого исходил незабываемый запах сена. Годы спустя, оказавшись в Сирии, я обходила базары в поисках этого вечного запаха. А больше всего меня завораживал его светящийся глобус, по которому я водила пальцем.

– Смотри, бабушка! Я обошла вокруг Земли!

Он смеялся и упирался в Землю длинным тонким пальцем.

– Я тоже!

Множество и множество раз мы путешествовали вокруг Земли, проносясь над странами, о существовании которых я не ведала. Он преподавал мне, на свой лад, легко и тонко, неутолимую силу воображения. Мой палец часто упирался в Италию. Из всех сил я пыталась хоть одним глазком увидеть хотя бы одного ее жителя. Иногда мне казалось, будто я слышу, как переливается смех и звучит музыка. Я воображала себя итальянкой, не зная толком, что это значит. И думала, что, может быть, на другом конце света маленькая девочка упирается пальцем в Мараши и пытается вообразить мою жизнь. Дед утверждал, что полет мысли не остановить, что она – мощная волна, которая накатывает на мир и заставляет нас расти. Сам он был таким большим, и я была уверена, что думал он часто и много! Ему иногда даже приходилось наклоняться, чтобы не стукнуться головой о притолоку.

Мы с Пьером и Марией обедали в маленькой гостиной, специально оборудованной для нас. Я сидела в кресле, достаточно высоком, чтобы почувствовать себя важной птицей, и ела, не думая о том, что однажды в моей тарелке ничего не будет. Нам подавали слуги, мы их обожали, а они нас баловали. Эти дни казались вечными, запечатленными в памяти времен. Ничто никогда не разобьет радуги, думали мы, не превратит взрывы нашего смеха в плач. Мы были добрыми королями маленького сказочного королевства, а его подданными были скарабеи, рыбы, птицы и кошки.

Птицы всегда были моей страстью. Я смотрела, как они снуют туда-сюда, смеясь над нашей неспособностью делать так же. Они взлетали до крыши дома и устремлялись головой вниз к земле, но не разбивались, а взмывали к другим высотам. У меня была собственная птичка, которую я назвала Пия. Пьер смеялся надо мной.

– Ты дурочка, Луиза. Ты зовешь Пиями всех птиц, потому что не можешь ее узнать. Они все одинаковые!

Но я была абсолютно в себе уверена.

– Нет, посмотри, у Пии большое тело и маленькая взъерошенная головка. Я узнаю ее из тысячи!

– Скажешь тоже!

Мое сердце переполняла любовь к Пии, и я каждый день приносила ей поесть. Родители посмеивались над моей привязанностью к этой птичке, а дед часто спрашивал, как она поживает. Я ловила его устремленный на меня добрый взгляд, как будто он находил в моей большой любви к Пии смысл, мне еще не понятный. Но однажды Пия вдруг исчезла. Утро показалось мне странно тихим. С бешено колотящимся сердцем я вскочила с постели, чтобы ее поискать, но ее нигде не было. Как же я горевала, это было невыносимо!

Несколько дней спустя сестра Эмма, монахиня, которую я любила больше всех, задала нам написать стихотворение. Разумеется, я сочинила стихотворение про Пию. Когда она вызвала меня, я вышла к доске, оробев. Я произнесла первые слова, как будто просто кружила вокруг них, и они бесцельно бились о стены. Я на миг остановилась и вдруг увидела их записанными в моих мыслях: ряд слов образовал картину, графику, обладающую собственным ритмом. Я изо всех сил думала о Пии и хватала слова в охапку, с горячностью их поднимая. И вдруг эти охапки слов проникли в сердце класса и распространились повсюду, как по волшебству.

*Пия, твои крылья бьются в сердце моем,
распахни небо ночное надо мной...
Пия, да будет солнце в моих снах,
тысячу песен мне спой...
Пия...*

Когда я закончила читать, в классе наступила тишина. Сестра Эмма посмотрела на меня затуманенными глазами.

– Спасибо, Луиза. Это было очень красиво.

Думаю, я по-настоящему родилась в ту минуту и должна была на весь остаток моих дней запомнить это бурное рождение, выбросившее меня на берег восторга. Я села на свое место с высоко поднятой головой, счастливая и гордая, только сердце отчаянно колотилось. Остальные уроки тянулись, показалось мне, целую вечность.

Когда наконец пришло время возвращаться домой, я с пылающим сердцем побежала в кабинет деда. Постучалась в дверь и вошла. Он смотрел на мое раскрасневшееся от возбуждения лицо и, улыбаясь, ждал объяснений.

– Дедушка, я знаю, чем буду заниматься, когда вырасту: я стану поэтессой!

Он посмотрел на меня добрыми глазами и улыбнулся.

– Тебе не надо так долго ждать, чтобы быть поэтессой, Луиза. Просто тебе придется приручить много слов.

Я смотрела на него, глаза мои блеснули. Но вдруг сердце у меня сжалось, потому что я вспомнила, что больше не увижу Пию.

– Знаешь, дедушка, я не понимаю, почему Пия улетела. Думаешь, я недостаточно любила ее?

– Пия тебе не принадлежала. Никто не должен ставить решетки в своем сердце, потому что оно просторно, и любовь, которую в нем сеют, прорастает каждый день.

Я тогда не поняла глубокого смысла этого урока, который вспомнила много позже, в дни внутреннего голода. Но в тот момент только судьба моей птицы интересовала меня. Дед обернулся, снял с полки своего большого книжного шкафа маленький словарь в черном кожаном переплете и протянул его мне. Я взяла его с почтением.

– Ты думаешь, мое стихотворение вернет Пию?

– Как знать? Слова обладают большой силой, Луиза.

Я побежала в свою комнату, прижимая к сердцу маленький словарь. Забралась под стол, в свое любимое убежище, и с восторгом открыла чудесный сад слов, который подарил мне дед. Меня огорчило количество слов, которых я не знала, и я испугалась, что придется ждать века, прежде чем я стану поэтессой.

По мере того как шли дни, не принося никаких вестей о Пии, тревога сходилась на нет. Я перерезала невидимую пуповину, связывавшую меня с ней, и покончила с понятием собственности. Дедушка был прав. Зачем запираешь в клетку свободу? Дни мои стали спокойнее, и я уже думала о Пии без боли, представляя себе, как она порхает и щебечет под другими небесами, когда она вдруг появилась откуда ни возьмись, похудевшая, села на мое окно и сидела там, ожидая, когда я ей открою. Она очень громко пела, и я была рада, что это видит Пьер, столько смеявшийся надо мной. Дед тоже заметил, что птица прилетела.

– Ты видел, дедушка? Это мое стихотворение ее вернуло! Волшебные слова! Волшебные слова!

Он улыбнулся и подмигнул мне. Его глаза всегда были для меня гигантской книгой, из которой можно почерпнуть все. Они были целым миром, глубоким и добрым миром. Пия изменила мое восприятие любви, сделав меня более свободной и способной любить, ничего не ожидая взамен. Любовь питается сама собой и растет, пока не достигнет неба. Та, что я несла в себе, была слишком тяжела для меня в таком юном возрасте. И дед взял на себя часть моей ноши, думая вернуть мне ее в тот день, когда мои непаханные земли будут готовы к посеву и жатве.

Однажды утром он пришел за мной в мою комнату.

– Луиза, ты мне нужна.

Мое сердце подпрыгнуло в груди. Я была готова сделать все, о чем бы он меня ни попросил. Я вошла в маленькую арабскую гостиную и увидела старого человека, который смотрел куда-то вдаль выцветшими, бесконечно голубыми глазами. Казалось, он вглядывается в скрытые миры, в которых заплутали когда-то его мечты. Я наблюдала за ним без звука, думая, что есть в нем подспудная грусть, гигантская память. Его грубая темная кожа была изрезана морщинами, образуя как бы рты на сморщенном лбу, водопад вдоль толстого носа. Под глазами залегли болота, те, что полнятся слезами в тайне ночи. Его брови напомнили мне лес густых трав, клонящихся под ветром, борода – полярную реку. Уши походили на рожки. Курчавые волосы терялись в бороде. От него исходило что-то печальное, глубокое и просторное.

– Вот моя внучка Луиза, она поэтесса, – сказал ему дед.

Этот человек только что потерял двух своих дочек в аварии. Он пришел просить деда оплатить похороны. Дед, разумеется, выложил нужную сумму и пригласил меня, чтобы я написала письмо с сообщением об утрате родным старика, жившим в Алеппо. Вот тут я пожалела, что в школе столько смотрела на небо, вместо того чтобы старательно учиться правописанию. Дед усадил меня за свой письменный стол, рядом с глобусом, заливавшим комнату мягким оранжевым светом. Старик сел напротив меня. Когда я, дрожа от страха, писала письмо, мне показалось, что я раздвоилась и вижу себя делающей то же самое в другом городе. Мне не пришло в голову, что дед, позвав меня сегодня утром, пролил в сердце старика немного отрады его ушедших дочерей. Когда он ушел, я невольно спросила себя, сколько же на этой земле людей с такими кровоточащими сердцами.

4

Большое здание сиротского приюта, попечителем которого стал мой дед, манило и завораживало меня. Это был старый дом собраний мормонов, в котором сохранился большой крытый бассейн, служивший прежде для ритуалов второго крещения. Я часто думала обо всех этих детях, засыпающих вечерами без маминого запаха лаванды.

Пьер, Мария и я примерно раз в месяц бывали в сиротском приюте с бабушкой и мамой. Когда мы входили в большое здание, сердце сжималось при виде брошенных детей. У них были уроки, точно так же как у нас. Наверно, некоторые тоже мечтали, улетая глазами в небо. Мама всегда была с ними ласкова. Они поднимали на нее взгляды, алчущие нежности. На несколько часов она становилась единственной звездой в их пасмурных небесах. Пьер быстро заводил друзей среди самых озорных, и бабушка, который терпеть не мог баловства, ласково, но твердо призывал его к порядку. Брат, казалось, всегда искал причину послушаться, но в конце концов повиновался, как бы нехотя.

Я же познакомилась с Жилем, маленьким робким сиротой старше меня на год. Как только я его увидела, мое сердце забилося чаще, я даже испугалась, что Жиль услышит его стук в тишине. Его темные волосы и смуглая кожа удивительно контрастировали с очень светлыми зелеными глазами. Когда они устремились на меня в первый раз, я невольно ощутила связь с ним, как будто он безмолвно говорил со мной на своем таинственном языке. Жиль был непохож на других и всегда держался в стороне. Когда мы входили в класс, дети замолкали и смотрели на деда с почтением и благодарностью – монахини давно объяснили им, что они обязаны своим спасением этому доброму и благородному человеку. Но Жиль глядел на него иначе. Казалось, в нем трепетала обида, стойкая, хоть и неуловимая. Его колючие глаза обладали силой пули, выпущенной в упор. В приюте было около ста двадцати детей, и мне поначалу не представлялось случая обратиться к нему. Когда наступало время уходить, по классу проносился печальный вздох. Я искала взгляд Жилия, затерянный среди других. Иногда он смотрел на меня лишь в самую последнюю минуту, когда я уже поворачивалась, чтобы уйти. Его глаза кипели и втягивали меня, и я спрашивала себя, что же так сильно в нем дрожит.

Вернувшись домой, я устремлялась мыслями к Жилю: вот он, наверно, идет в столовую среди сотни таких же невинных, брошенных на съедение жизни. Потом наступал час обеда. Пьер, Мария и я гуськом направлялись в маленькую ванную вымыть руки и прополоскать рты. Монахини в школе советовали нам хорошенько полоскать рот, чтобы ложь не разъедала изнутри наши тела. Я лгала нечасто, но в сомнениях так усердно полоскала рот, что Пьер смеялся надо мной.

Я посвятила в тайну моего сочинительства только деда, потому что боялась колкостей Пьера, всегда готового посмеяться над моими чаяниями. Он любил соревноваться и терпеть не мог проигрывать. Этот последний пункт часто беспокоил бабушку, потому что, сказал он нам однажды, «в жизни надо уметь проигрывать, чтобы иметь возможность выиграть». Но Пьер к нему не прислушивался. Его вспышки гнева были известны всему дому. Мы замечали знаки, предвещавшие их. Пьер становился белее снега, потом вдруг заливался багровой краской, как будто раскаленное пламя готово было его пожрать. У нас оставалось несколько секунд, чтобы укрыться, пока на дом не обрушилась гроза. Зачастую деду приходилось выходить из своего кабинета, чтобы успокоить Пьера, и тогда тот уходил к себе в комнату, устав от собственного гнева.

Открыв для себя слова, я обрела невиданную доселе силу, и долгие утренние часы, проведенные в школе, были мне все более невыносимы. Я смотрела на небо, затерявшись посреди скучного урока, и сочиняла стихотворения, пользуясь облаками как школьной тетрадкой. Ветер

толкала мое облако, словно переворачивала страницы времени. Часто я складывала ладони и опускала голову, вымаливая у Бога стихи.

– Пожалуйста, посея семена в моем сердце, чтобы дерево поэзии пустило во мне корни!

Однажды, вернувшись из школы, я искала повсюду мою тетрадь со стихами, но нигде ее не находила. Я обшарила все углы комнаты, неудержимая паника накатила на меня. Мое единственное сокровище исчезло. Меня вдруг выбросило в серые воды обыденной жизни. И снова я пошла к деду с покрасневшими глазами.

– Мы отыщем твою тетрадь, Луиза. Твои стихи не пропали. Ты их родила, теперь они живут своей жизнью.

Я посмотрела на него, ошеломленная этими словами.

– Но, бабушка, если ни Пия, ни мои стихи мне не принадлежат, есть ли вообще на этой земле что-то мое?

Дед посмеялся над этим вопросом, заданным под воздействием праведного гнева.

– Ничто не принадлежит тебе, Луиза. Но ты в ответе за цветок, который растет в тебе день ото дня.

Я опустила глаза, пытаясь заглянуть в себя. Потом побежала в свою комнату и выпила большой стакан воды, чтобы мой цветок рос побыстрее.

Вечером за ужином Пьер с важным видом прочел одно из моих стихотворений. Так вот кто украл мои слова! Я громко закричала, требуя мою тетрадь. Услышав наши вопли, пришла в гостиную мама. Я разрыдалась и пожаловалась на брата, открыв таким образом матери мои поэтические таланты самым жалким образом. Ей достаточно было без слов устремить взгляд своих больших глаз на Пьера, чтобы он встал из-за стола и вернул мне мою тетрадь.

Прости меня, дитя мое, что описываю все это так подробно, но мне нужно поделиться с тобой воспоминаниями. Рассказывая тебе все, я извлекаю их из сундука моей памяти, в котором они заперты слишком давно...

Папа часто уезжал. Когда он возвращался, Пьер, Мария и я с нетерпением ждали рассказов о его путешествиях. Страны, в которых он побывал, были для меня неиссякаемым источником грез. Особенно я любила, когда он рассказывал нам про Ливан и его пестрые базары.

– Тебе бы очень понравилась страна кедров, Луиза, – всегда говорил он мне.

Потом наступал столь желанный момент раздачи подарков – вещиц, которые он выбирал специально для нас. Я расставляла их в своей комнате с каким-то даже благоговением, зная, что каждый из этих подарков приехал из другой страны – Италии, Франции, Сирии, Египта или Ливана.

Вернувшись из Бейрута, отец подарил мне однажды фотографию кедра, над которым кружила туча птиц. Я рассматривала снимок вместе с Марией и была ошеломлена тем, что обнаружила.

– Смотри, у него два глаза и рот!

Она уставилась на фотографию, вытаращив глаза, потом повернулась ко мне и прошептала:

– Но значит... Он живой!

Я прижалась к фотографии ухом, и Мария тотчас последовала моему примеру.

– Послушай, Мария, он дышит!

Мы обе одновременно почувствовали его ровное дыхание. Пьер получил в подарок медную саблю, а Марии досталась восхитительная шкатулка для украшений из резного дерева, инкрустированная перламутром. Мы висли на шее у папы, пока мир не призывал его в очередной раз и он не исчезал на несколько недель из нашего привычного окружения. Я прижималась щекой к его бороде и вдыхала запах табака, который он курил. Я любила смотреть на этот

ритуал, начинавшийся с прочистки великолепной черной трубки. Папа резкими движениями выбивал ее о подошву, наполнял душистым табаком и чиркал спичкой, чтобы поджечь его. Чуть едкий запах наполнял комнату, щипал глаза. Папа несколько раз затягивался, раскуривая трубку, и откидывал голову назад, наслаждаясь бесконечным покоем этого момента.

Половину рабочего времени дедушка принимал посетителей и выслушивал их жалобы и просьбы. Иногда он разрешал мне присутствовать при этих разговорах: я тогда должна была прятаться под столом. Однажды в его кабинет вошел старик в грязной одежде. Я видела только ноги: они почти не отрывались от пола, пока старик шаркал к большому креслу. Он огляделся, не решаясь сесть, пока дед сам не предложил. Этот человек принес с собой неопишемую тревогу, почти осязаемую, словно наполнившую воздух тяжелой серой пылью. Я инстинктивно отползла, прижимая к сердцу тетрадь со стихами. Дедушка сказал старику «добро пожаловать», а тот вдруг упал на колени, сложив руки в жесте отчаяния и патетической печали.

– Дайте мне поесть... Пожалуйста!

Я сидела неподвижно, с бешено колотящимся сердцем, не зная, кинуться ли ему на помощь или, наоборот, продолжать прятаться, чтобы он не знал о еще одном свидетеле его бедственного положения. Дед встал и обошел письменный стол.

– Прошу вас, любезный, встаньте.

Несчастный закрыл залитое слезами лицо руками с черными ногтями. Дед вызвал слугу и сам отвел гостя на большую кухню, где тому подали горячий обед. Дед приказал дать бедняге еды с собой и велел ему завтра же явиться к управляющему, чтобы получить работу. Я смотрела, как старик ест. Видела, как мало-помалу просияло его лицо, потому что к нему возвращались силы и надежда. Напоследок ему принесли десерт и кофе. Он дважды попросил добавки, словно отгонял призрак нужды и убеждал себя, что это ему не снится. Дед смотрел на него, улыбаясь.

– Как вас зовут?

Старик с минуту поколебался, как будто забыл, что он – человек, что был когда-то ребенком с веселым смехом и чистой душой. Имя свое он произнес с особым удовольствием.

– Меня зовут Сами.

Потом слуга наполнил ему ванну, и он ушел домой чистым и сытым. Он опустился на колени на гравий у порога дома и поцеловал лакированные ботинки деда, а тот поднял его и протянул ему руку, назвав «любезным» еще раз.

Когда я вернулась в свою комнату, сердце мое разрывалось от эмоций. Я села за столик и записала в тетрадь второе стихотворение, которое назвала «Бродяга»:

*Прошу помощи, а не жалости,
права на человеческий взгляд...
Я человек, а не отброс, я одинок,
а голод хуже, чем яд...
Посмотри в себя, я – твоё отражение,
что, если ты – мой брат...*

Этот опыт глубоко потряс меня, дорогое мое дитя. Человек, ровесник моего отца, оказался настолько обездоленным – это изменило мое представление о многом, и ледяной сквозняк проник сквозь шелковые шторы, которыми было задернуто мое детство.

На Пасху дедушка всегда звал нас в большую арабскую гостиную и просил помочь слугам собирать тюки с одеждой для бедных. Каждый из нас должен был расстаться с вещами, которые больше не носил. Мария, в своей бесконечной доброте, хотела отдать все, что имела.

– Я хочу отдать все, что у меня есть, мама. Я оставлю себе только одно платье.

– Нет, Мария. Оставь себе одежду, которую еще носишь, и отдай только то, что больше не надеваешь.

Мария смотрела на нее, не понимая.

– Но, мама, если все эти люди такие бедные, мы можем отдать им все!

– Но, если мы отдадим им все, сами станем бедными.

Мария, задумавшись, смотрела на маму своими большими чистыми глазами.

– Но, если так случится, мама, нам помогут те бедные, которым помогали мы!

Простота ее рассуждений всегда смешила нас, но ее удавалось переубедить, зачастую после замечания Пьера, что, пока мы разговоры разговариваем, бедные ждут. Мария уходила с мамой в свою комнату и прилежно выбирала одежду, которую собиралась отдать. К концу дня тюки занимали весь ковер. Слуги грузили их на тележки и увозили, останавливаясь перед другими домами, чтобы собрать больше вещей. Потом их везли в церковь, где одежду раздавали. Дедушка всегда добавлял сумку, набитую деньгами, а также ткани, мыло и изящные вещицы, зачастую привезенные из Сирии. Он говорил мне, что одежда лишь восполняет нужду, тогда как излишки приносят истинное удовольствие.

Вечером, в тишине своей комнаты, я думала о маленьких девочках, которые будут носить нашу одежду – мою или Марии. Я спрашивала себя, достанется ли им что-нибудь от нас – запах или волосок, попавший за подкладку или обмотавшийся вокруг пуговицы. Я думала, что одна из них на короткий миг станет мной, впервые надев мою блузку, пока ее запах не сотрет следы моего.

Я хочу передать тебе немного твоей культуры, дорогое мое дитя, как дед передал ее мне. Семь недель до Пасхи мы не ели никакой животной пищи: ни мяса, ни яиц, ни молока, ни сыра, ни масла. Все, что мы ели, было либо вареным, либо жареным на растительном жиру. Я была очень горда: Иисус знал, что я не ем животной пищи. За это я просила его быть милосердным к моему брату, который продолжал объедаться молоком и маслом, постепенно опустошая кухонные запасы. В четверг на Страстной неделе город заполняла суета. Мы ели вареную чечевицу, sprychnutuyu уксомом, а потом красили пасхальные яйца. В пятницу пекли чорег, изумительно вкусный плетеный хлеб, для которого нужны были яйца, мука, сахар, молоко, масло, дрожжи, куколь, махлеб и семена белого кунжута. Чтобы приготовить его, требовалось большое умение и бесконечное терпение – надо было несколько раз вставать ночью и месить тесто, чтобы оно хорошо поднялось. В воскресенье мы всей семьей отправлялись в церковь, где все с жаром молились. Потом мы навещали старейшин общины, которые всегда угощали нас сладостями, и возвращались домой, чтобы наконец съесть чорег. Каждый получал кусок, и мы медленно, со вкусом жевали, а потом брали крутые яйца и били их, стучая друг о друга. Это были дни, полные счастья. Больше всего на Пасху я любила, когда нам рассказывали, как Иисус провел сорок дней в пустыне, среди диких зверей, и ангелы прислуживали ему, а дьявол искушал. Я пыталась понять, что значит «искушает дьявол». Может быть, он искушал Пьера, когда тот, несмотря на запрет, не мог устоять перед соблазном съесть яйцо?

Я шла к деду, чтобы расспросить его обо всех этих вещах, которым нас учили и которые мы понимали так плохо. Мы-то были христианами, но ведь существовали и другие религии. И другие необязательно верили в то же, что и мы, – так что, в сущности, вопрос был в том, кто прав.

– Сколько красок ты можешь насчитать, когда смотришь на сад? – вопросом на вопрос ответил дед.

Я принялась считать, но быстро обнаружила, что их слишком много, чтобы определить точное количество.

– Все цвета образуют друг с другом новые гармоничные сочетания. Представь себе этот сад в одном цвете. Это же будет смертельно скучно, правда? Так же обстоят дела и с религиями. Они образуют огромную цепь, и из каждого зерна произрастает новый цветок в Божьем саду.

Я очень точно поняла, что он мне сказал, и посмотрела на сад новыми глазами. Сколько раз дедушка отвечал на мои детские вопросы?

Я рассказала все это Марии.

– Это значит, что сад, где растут одни только розы, – не настоящий сад? – спросила она.

– Вот именно. Дедушка сказал, что для созданий, которые растут в саду, лучше, чтобы было много разных цветов.

– Создания, которые растут в саду, – это мы?

– Точно!

Мы серьезно посмотрели друг на друга, проникшись этим уроком.

Бабушка слегла. Она жила в большой зеленой спальне, далеко от комнат, где мы проводили все свое время. Мы знали только, что она очень больна, что нам запрещено заходить в крыло дома, где была ее комната, и тем более входить к ней; я смутно помнила, какой она была четыре-пять лет назад, как она наклонялась поцеловать меня или помогала маме заплетать мне косички. Мало-помалу она исчезла из нашей жизни, а мы, тогда еще совсем маленькие, не задавали вопросов. Однажды, бродя по дому, я подошла к ее спальне. Тихонько открыла дверь. Комната была погружена в сумрак. Кислый запах витал в воздухе. Я невольно отпрянула. Бабушка с трудом повернула голову ко мне и сделала знак войти. Ее красивые глаза глубоко запали, а исхудавшие щеки так ввалились, что их не было видно. Я не смела шевельнуться. Она с трудом взяла меня за руку и сжала ее. Что-то произошло от этого прикосновения, как будто слияние душ, из которых одна уже знала все, а другая не знала ничего. Страх и брезгливость, которые я испытывала к тому, что сжигало ее, не зная в точности, что это, в эту минуту вдруг испарились. Я посмотрела на ее бесплотную руку, сквозь которую почти можно было читать – так проступали на ней вены.

Дверь открылась; вошел дедушка и удивился, увидев меня. Бабушка попыталась при- встать в постели, но не смогла.

– Луиза... моя внучка... она пришла, – выговорила она.

Дедушка сел по другую сторону кровати и взял бабушку за руку. Она улыбнулась, показав рот, в котором не осталось зубов, и уснула в спокойствии предвечернего часа.

Вернувшись в свою комнату, я схватила тетрадь со стихами, чтобы выплеснуть в нее слова, которые так громко звучали во мне, когда я думала о бабушке.

Через несколько дней, возвращаясь из школы, Мария нашла оголодавшего котенка, бродящего в поисках пищи. Она попросила слугу остановиться, но тот отказался, испугавшись, что от бедного животного может заразиться всякими болезнями. Мария не могла вынести вида маленького брошенного существа. Она закатила истерику, и слуга был вынужден направиться к котенку, который испуганно попятился. Тут подошла и Мария и ласково заговорила:

– Иди ко мне, котик... Иди сюда!

И малыш бесстрашно пошел к ней. Мария несла его на руках до самого дома, куда срочно вызвали ветеринара, чтобы он осмотрел животное. Врач сказал, что котенок совершенно здо- рово, к нашему несказанному облегчению. Марии разрешили оставить его себе. Она назвала его Прескоттом. Маленький армянский котенок получил имя английского лорда и быстро стал полноправным членом нашей семьи. Все мгновенно к нему привязались. Мария его обожала. Она проводила с ним все свободное время, пытаясь воспитать. Он быстро приучился к чистоте и даже стал приносить нам предметы, которые мы бросали. Еще он умел скрестись в окно и перепрыгивать через скамеечку, которую Мария ставила на ковер в своей комнате. По утрам

я открывала дверь в комнату Марии и заставляла их с Прескоттом крепко спящими. Но как ни баловали его мы все, он оставался маленьким и довольно худеньким. Даже Пьер часто играл с ним после школы. Когда котенок оказывался с Пьером, его поведение совершенно менялось. Даже по походке было понятно, что зверек – настоящий самец. Правда, когда в комнату входила Мария, Прескотт тут же забывал о своих мужских повадках и бежал к ней.

Мы с Марией часами могли сидеть в своих комнатах и вырезать бумажные фигурки, которые она тщательно раскрашивала. Потом мы наклеивали их на картон для жесткости. Это были наши «бумажные люди». Целая семья, с живой и здоровой бабушкой, дедушкой с глазами синее неба, мамой цвета лаванды, котенком...

Смерть бабушки стала первым событием, ранившим мой детский мир. Я знала, что она больна, но мне казалось, что с нами ничего не может случиться, что наши дни, проведенные рядышком, обезопасили нас от несчастья. Я вернулась под вечер из школы и застала в доме суету. Слуги велели мне подняться к себе в комнату. И тут же что-то стукнуло в сердце, как три удара гонга, что звучат в театре перед тем, как поднимется занавес. Я была готова разрыдаться, как будто уже угадала дальнейшее, и все мои плотины мало-помалу сдавались под давлением. Я побежала в кабинет деда. Он сидел один в хорошо знакомой мне обстановке.

– Дедушка!

Он раскинул руки и крепко обнял меня. И тут я внезапно поняла, что бабушка никогда больше не проснется в своей постели и не посмотрит на меня с улыбкой. Огромная слеза перелилась через ресницы, потекла по щеке и затерялась в складках дедушкиной одежды. Он погладил меня по волосам, не говоря ни слова, и, несмотря на его сильные руки и прямую спину, я почувствовала, как и в нем поднимаются воды. Его река вышла из берегов, и он тихо заплакал посреди своего большого кабинета, куда столько людей приходило за утешением. К нам пришел папа и тоже разрыдался. Меня поразил вид плачущих папы и дедушки. Я отчаянно цеплялась за дедушкину руку, чтобы он знал, что я с ним в этот печальный момент.

– Луиза, куда ушла бабушка? – спросила меня Мария, когда я пришла в ее комнату.

Я не знала, что ей сказать. Я всей душой искала ответ, который мог бы удовлетворить нас обеих. Я не видела бабушку мертвой и не понимала, что это значит. В последний раз, когда мы с дедушкой уходили из ее спальни, она улыбнулась и погладила меня по щеке. Что же могло произойти между этой последней минутой и слезами, которыми был залит весь дом? Где же была бабушка? Мария пристально смотрела на меня в ожидании ответа.

– Я пойду посмотрю, где бабушка, – сказала я ей.

Я вышла из комнаты, побежала в гостиную и бросилась на шею маме, чтобы забыть все мои раны.

– Мама, куда ушла бабушка?

– Бог призвал ее.

– Но почему?

– Наверно, она была ему нужна.

– Но ведь нам она тоже нужна!

Мама, кажется, немного рассердилась, что я не удовлетворяюсь ее ответами, но продолжила объяснения – она не могла отпустить меня, не утолив мою жажду понять. Она усадила меня на диван с бежевым узором и взяла за руки.

– Бог призвал ее к себе, потому что любит ее всем сердцем.

Я приняла это к сведению и задумалась, пытаюсь распутать нити мыслей, которые переплелись у меня в голове как спагетти.

– Бог всегда призывает тех, кого любит?

– Да.

– А меня он любит?

Маму как будто удивил мой вопрос.

– Конечно, Луиза! Он любит и хранит тебя.

– Тогда почему же он не призовет меня к себе, как бабушку?

Это возражение ее в высшей степени смутило. Она позвала деда и оставила нас вдвоем.

– Бог не обращается со всеми людьми одинаково. Если он не призывает тебя к себе, это значит, что у него на тебя другие планы, и он хочет, чтобы ты жила как можно лучше, продолжая заботиться о других, как ты всегда делала. Знаешь, умерло ведь только бабушкино тело, но ее душа будет всегда хранить тебя. Еще больше – теперь, когда у нее нет земного воплощения.

Я представила себе бабушкину душу, парящую на ветру, такую же свободную, как Пия. И тогда особенно остро почувствовала, что моя душа заперта где-то внутри меня. Мне так хотелось, чтобы она смогла улететь и встретиться с бабушкиной душой. Я побежала в комнату Марии, которая играла с Пьером. Я рассказала им все, что услышала от бабушки. Мария нахмурила брови и огляделась.

– Значит, ты думаешь, что бабушкина душа где-то в моей комнате?

– Да.

Пьер расхохотался.

– Смешно! Бабушка просто умерла. Ее закопают в землю, и все будет кончено.

Мария закричала от ужаса. Мне пришлось обнять ее, чтобы успокоить.

– Он нас просто дразнит, Мария, он этого вовсе не думает.

Вечером мама прикоснулась лавандовым поцелуем к моему лбу. Я быстро уснула после такого долгого дня волнений и слез, дня, который пошатнул чудесный дворец моего детства.

Назавтра я ни за что не хотела выходить из своей комнаты. Мама пыталась выманить меня лаской, папа гневом, но ничего не помогало, и тогда за мной послали деда. Он был одет в черное и показался мне очень бледным в ярком утреннем свете. Дедушка присел на корточки и положил руку мне на плечо. Выражение его лица было таким ласковым, что я не могла больше сдерживать слезы. Они потекли на тетрадь и начали размывать стихотворение, которое я только что закончила. Дедушка взял его и прочел. Лицо его дрогнуло от сильного волнения.

– Я хочу, чтобы ты прочла его на похоронах. Хорошо?

Я колебалась недолго, ему я не могла ни в чем отказать.

Церковь была полна народа. Я сидела рядом с дедом на старой деревянной скамье, рассеянно слушая голос священника. Потом дед встал и взял меня за руку. Вся толпа смотрела на меня, потому что происходило нечто непривычное. Я встала перед бабушкиным гробом и начала читать свое стихотворение. Мой голос, обычно тихий и спокойный, вибрировал от волнения:

Бабушка, твои глаза нежности полны...

Ты не поешь, но я слышу нотки из леса

твоей жизни...

Бабушка, тебя больше нет, но теплый ветер

доносит до меня твой аромат...

Бабушка, прошу тебя, не уходи далеко.

Стихотворение кончилось, и я вдруг снова стала самой собой, без ширмы слов. Оробев, я прижалась к деду. Он гордо проводил меня на мое место, но по пути я услышала несколько слов, которые огорчили меня.

– Не может быть, эти стихи не мог написать ребенок!

– Ей всего восемь лет, кто-то наверняка ей помог!

Я поймала на себе папин взгляд. Казалось, он открыл во мне что-то новое, о чем даже не подозревал.

Мы вернулись домой, на поминки. Ко мне подошла молодая женщина.

– Луиза, твои стихи потрясли меня. Я могу поговорить с тобой пару минут?

Я слушала ее дрожащий голос, исполненный грусти. Она рассказала мне про свою мать, которая не хотела ее больше видеть после жестокой ссоры, и она была в отчаянии. София – так ее звали – сказала, что, услышав мое стихотворение про бабушку, поняла: ей, наверно, не хватает нужных слов, чтобы обратиться к матери и дать ей понять, как невыносимо это разрушительное молчание. Она подробно рассказала мне о причине их разрыва. Слова начали складываться в моей голове.

– Я обещаю вам, что попробую что-нибудь написать.

Она взяла мои руки в свои и крепко сжала их.

– Спасибо, Луиза.

Оставшись одна, я взяла перо и написала:

*Дверь, что вела к тебе, стала каменной.
Сердце стало горой, слова – сорной травой...
Но наша любовь приведет нас в тихую долину...*

Назавтра дедушка велел слуге отнести мое стихотворение Софии. Вернувшись из школы, я нашла на своей кровати маленький сверток и письмо. Мария схватила меня за руку.

– Можно мне остаться с тобой, Луиза?

– Мария, я хочу побыть одна.

– Но со мной ты все равно что одна, правда же?

– Да, но одиночество вдвоем – это не то, что одиночество в одиночестве.

– Ладно, в таком случае я тоже хочу быть в одиночестве... в одиночестве.

Она вышла из комнаты. Я глубоко вдохнула и, распечатав письмо, прочла слова Софии:

Дорогая Луиза,

Я не знаю, как тебя благодарить за такое прекрасное стихотворение.

Прими этот подарок, предназначенный тебе. Надеюсь, что он тебе понравится. Спасибо от всего сердца.

София

Я распаковала подарок с бешено колотящимся сердцем. Это был пенал из красной кожи, который я полюбила с первого взгляда. Я достала из него очень красивое перо и сразу поняла, что больше никогда не смогу без него обойтись. Разные люди мало-помалу стали просить меня написать для них стихи, и вскоре я стала известна как «маленькая поэтесса из Мараша».

* * *

Я хотела, чтобы ты узнала все об этом чудесном детстве, которое так резко оборвалось в слезах и крови. Боже мой, вечные дни детства! Имею ли я право рассказывать тебе историю моей жизни? Но моя история – это и твоя история, а мое молчание уже причинило столько горя! Я никогда не говорила о тех событиях – потому что возвращаться в это болото невыносимо, пусть даже только в мыслях. Я выжила, но какой ценой? Можно ли быть готовым пережить столько драм? Мне понадобилось много времени, чтобы пристать к новым добрым берегам... Доверяясь тебе, я снова вижу себя такой, какой я была – ребенком, ласковым и легким,

чувствительным и любопытным. Ребенком, подверженным порой острым эмоциям, слишком для него тяжелым. Ребенком любимым и балованным.

5

Солнечный луч ослепил Талин, и она встала, чтобы задернуть занавеску. Потом снова села в шезлонг, прижимая к себе тетрадь. Тетрадь словно вибрировала, как будто живая. Кто такая эта Луиза Керкорян? Она не помнила, чтобы слышала от бабушки это имя. Почему она оставила ей это трогательное свидетельство? Талин смутно почувствовала, что это чтение перевернет ее жизнь, и вдруг испугалась. Какие тайны хранит этот дневник? Отступить было поздно, и она вновь увлеченно погрузилась в чтение.

6

Я завела привычку бродить по дому и обнаружила, что через две смежные двери могу попасть в кабинет деда, когда он проводил там совещания. Притаившись между этими дверьми и глядя в дырочку, я видела как на ладони всех его собеседников. Однажды я ощутила в кабинете непривычное возбуждение. Прильнув глазом к дырочке, я увидела перед дедом нескольких очень недовольных мужчин. Каждую весну административный совет назначал несколько дюжин служащих для подсчета скота во всем округе, чтобы собирать ежегодный налог, составлявший изрядный доход. Присутствовавшие мужчины сердились на деда за то, что он помог членам совета – мусульманам назначить своих на высокие посты, тогда как христиане вообще не попали в список. Дед выслушал их жалобы, не сказав ни слова. По мере того как они излагали свои доводы, я все больше возмущалась. Почему он не помог им? Он всегда говорил о справедливом равенстве во всем, но несправедливость его поведения была очевидна! Дед попросил слова, и ему пришлось ждать несколько минут, пока все замолчали.

– Моя политика с турками состоит в том, чтобы щадить их чувства. Я не могу потрафить армянину, если предварительно не окажу услугу двум или трем туркам.

Присутствующие мужчины зароптали еще сильнее, но деду удалось добиться тишины.

– Назавтра после назначения мусульман я представил туркам список из десяти армян, которых горячо рекомендовал, чтобы они тоже вошли в совет. Благодаря настояниям этих мусульман, назначению которых в совет я способствовал, кандидатуры десяти армян-христиан были приняты все до одной.

Эти слова встретили недоверчивым молчанием. Дед зачитал вслух десять имен. Напряжение отпустило, и некоторые из присутствовавших извинились, что до такой степени сомневались в нем.

На следующий день мы пошли в сиротский приют. Я искала глазами Жилия, но его нигде не было. Я задала вопрос деду, не решившись обратиться непосредственно к настоятельнице. Он спросил ее за меня.

– Жиль так плохо себя вел, что пришлось оставить его в классе после уроков. Это очень мягкое наказание для демона, которым он одержим, – ответила она, поджав губы.

– Но, дедушка, я написала для него стихотворение! Мне непременно надо его увидеть! – шепнула я деду.

Он изложил нашу просьбу настоятельнице, та – нахмурилась, но все же уступила. Могла ли она в чем-то отказать основателю приюта? Она сама провела нас в класс. Жиль сидел, склонившись над партой. Он поднял голову, услышав скрип открывающейся двери.

– Я советую вам быть вежливым с вашими гостями, иначе я лично прослежу, чтобы ваше наказание удвоили, – сказала настоятельница и со вздохом вышла.

Дедушка шагнул к насторожившемуся Жилию и тихо сказал:

– У Луизы есть для тебя подарок.

И дедушка вышел из класса. Я осталась стоять с пылающим сердцем и протянула ему стихотворение.

– Вот, я написала это для тебя.

Жиль схватил листок дрожащей рукой и с жадностью прочел:

*Ты, рожденный от камня,
рожденный бесшумно, брошен в невзгоды...
И нет тебе солнца, нет дней счастливых...*

Слезы потекли по его щекам и затерялись в ямке на шее. Такая бурная реакция удивила меня. Он посмотрел сверкающими глазами в мои глаза.

– Почему ты даришь мне эти стихи? – спросил он агрессивным тоном.

Я хотела сказать ему, что дарю их, потому что мое сердце бьется чаще каждый раз, когда я думаю о нем, но у меня не хватило духу. Он задумался, порылся в кармане, достал голубые шарики и резким жестом протянул их мне.

– Держи, это тебе, – сказал он.

– Не надо. Я написала стихи, ничего не ожидая взамен.

– Я возьму стихи, только если ты возьмешь шарики.

Я протянула руку. Он ссыпал мне в ладонь шарики, и я чуть не потеряла сознание, когда его рука коснулась моей. Странное чувство охватило меня. Его кожа показалась мне продолжением моей, как будто мы с ним были единым телом. Мы смотрели друг другу прямо в глаза. Я почувствовала, что он видит меня внутри, так отчетливо, как если бы я проглотила оба его глаза. Тут вернулся дедушка, и чары были разбиты.

– Луиза, нам пора, – сказал он мне.

Глаза Жилия снова впились в мои.

Я никогда не смогу от них оторваться. Никогда!

– Дедушка, можно Жиль придет к нам в гости в воскресенье? – спросила я умоляющим голосом.

Я с тревогой ожидала его ответа, видя, что он размышляет.

– Хорошо. Но, Жиль, мы скажем, что ты идешь к доктору лечиться, чтобы другим сиротам не было обидно, что ты уходишь в воскресенье, а они остаются здесь.

Я знала, что дедушка делает усилие для меня и для Жилия, потому что все это шло вразрез с принципами равенства, по которым он обычно жил. Ему пришлось подтолкнуть меня, чтобы выйти из класса, – так я была заморожена Жилем.

В следующее воскресенье около полудня мы услышали стук колес и выбежали на крыльцо. Из коляски вышел слуга, а за ним Жиль, чистый, как новенькая монетка. Его одели в красивую одежду, а волосы, обычно встрепанные, были гладко причесаны. Я едва его узнала, не осталось и следа от озорника, к которому я привыкла. Но когда он подошел ко мне, чтобы поздороваться, я снова увидела его пылающий взгляд. Он поприветствовал маму и, запинаясь, отбарабанил формулы вежливости, которым его научили.

После обеда я утатила его в свою комнату. Он внимательно ее рассматривал. Увидел подушки, разложенные под моим столиком.

– О чем ты думаешь, когда сидишь там?

О тебе, я думаю о тебе.

– Я мечтаю. Представляю себе, что летаю и путешествую по звездам.

– Куда же ты летаешь?

Я пролетаю над приютом и машу тебе рукой.

– В другие галактики.

Он сел рядом со мной на подушки и наверняка почувствовал, как и я, странный покой этого места под столом.

– Смотри, это пенал, который я получила в подарок от женщины, для которой сочинила стихи, – сказала я и протянула ему пенал. – Напиши что-нибудь, если хочешь.

– Я плохо пишу. Ты будешь смеяться надо мной.

– Никогда я не буду над тобой смеяться! Никогда!

Такая страсть звучала в моем голосе, что он даже смутился. Он осторожно взял перо и неуклюже вывел несколько слов. Когда он наклонился, я увидела стихотворение, которое ему подарила, сложенное в кармашке рубашки, рядом с сердцем.

День с Жилем прошел очень быстро, и вскоре настало время прощаться. Он сел в коляску, не взглянув на меня.

Посмотри на меня, пожалуйста!

Он обернулся в самый последний момент. Сердце подпрыгнуло в груди, и я осталась стоять, слушая, как стук копыт смешивается со стуком моего сердца.

Я не могла прогнать его из моих мыслей. Я сгорала одна в уголке моей постели и уже несла, сама того не зная, бремя первой любви, слишком большой для такого маленького сердечка.

По вечерам я всегда читала Марии сказки, которые писала специально для нее, потому что она ужасно боялась темноты.

– Как называется сегодняшняя сказка? – спросила она.

– Разноцветная бабочка.

И я начала читать:

«Когда заря бледнела на горизонте, разноцветная бабочка слетела с цветка, на котором родилась. Она взмыла ввысь, прямо в сердце небес. Звезды разговаривали с ней, она всматривалась в бесконечность. Потом бабочка опустилась и прильнула к сердцу плачущего ребенка, и ее краски слегка поблекли. Чем дальше летела она вокруг Земли, тем больше немели и грустнели ее краски. Бабочкина душа мрачнела и тонула в обнаженном потоке отчаяния. И она выплакала все слезы своих крылышек, спрятавшись под падучей звездой, но тут увидела другую, большую бабочку. Она была совсем как из сна – скромная и величавая, и ее краски сверкали в ночи. Они долго разговаривали друг с другом. Разговаривали о детях и о бабочках, о любви, о лавандовых поцелуях и о далекой планете, такой голубой, что она завораживала целый космос. Когда бабочка взлетела, она снова была разноцветной, как гимн свободе. Всю свою бабочкину жизнь она одаривала дождем золотой пылицы детей, которые даже не догадывались, откуда по утрам берется такая легкость. Земля пустилась в пляс. Разноцветная бабочка была пьяна от любви, но одного крылышка у нее не хватало. Она медленно долетела до цветка, где родилась, и уснула вечным сном в своих мягких душистых подушках. Дождь лепестков охранял ее сон. Цветок погладил ее разноцветное крылышко и вздрогнул. А потом он взмыл в небесную высь. Стебель глубоко врос в корни земли, а лепестки почили среди ослепительных и нежных звезд, разноцветная бабочка с одним крылышком спала бесконечным сном, и цветок стал убежищем для всех разноцветных бабочек, которые каждый день садились на детские сердца, чтобы расцветить их страдания. Усталые, они засыпали на ложе из лепестков любви и пели с Солнцем и Луной в трепете огромной звездной ночи жизни».

Мария уснула, сжимая мою руку, убаюкивая комнату своим ровным дыханием.

Однажды я хотела написать стихотворение, но, к своему удивлению, осталась нема. Страх охватил меня. Не выдержав, я схватила свою тетрадь со стихами и выбежала из комнаты. Я спустилась по большой лестнице и вошла в кабинет деда, даже не постучав.

– Они ушли! – сказала я дрожащим голосом.

Он не понял и принялся меня расспрашивать, чтобы я пояснила сказанное.

– Слова... Они больше не приходят... Они ушли! – добавила я, чуть не плача.

Он устремил взгляд на мою тетрадь, безнадежно пустую.

– Луиза, ничто никогда не дается легко! Нам надо постоянно копать до самой глубины себя, чтобы воплотить великие замыслы.

– Но до сих пор я ничего не копала, а слова все равно приходили! – возразила я.

Он посмотрел на меня, нахмурившись.

– Тебе посчастливилось обладать даром, который до сих пор бил из тебя как чистый родник, но ты должна его заслужить и подпитывать, чтобы он не иссяк. Слова живут собственной жизнью. Они могут уйти очень далеко отсюда, и ты должна быть готова принять их, когда они вернуться.

– Но как ты можешь быть уверен, что они вернуться?

– Они вернуться, если ты их очень-очень позовешь.

Он заронил в меня эту мысль. Я подготовлюсь к возвращению слов, чтобы они не покинули мою душу. Я вышла из кабинета деда с легким сердцем. Вернувшись в свою комнату, я положила тетрадь со стихами на стол, оставив ее открытой, на случай, если слова сами прилетят туда, устав от долгого путешествия. Я и Марии объяснила, что слова путешествуют. Она была впечатлена.

– Интересно, куда они уезжают и почему? Как ты думаешь, они отправляются на каникулы, Луиза? – спросила она.

– Очень может быть.

– А что у них в чемоданах?

– Думаю, восклицательные знаки и скобки.

Тут я вспомнила глобус на столе у деда.

– Слова, наверно, многим нужны, потому что Земля очень большая.

Мы согласились, что слова изо всех сил стараются удовлетворить всех, и если у меня нет вдохновения, значит, их призвали к человеку, которому они нужнее, чем мне. Надо только дождаться, когда все напьются из их источника, и они вернуться ко мне, когда я буду в них нуждаться.

В следующее воскресенье я повела Жилья в дедушкин кабинет. Он ошеломленно уставился на сотни томов в книжных шкафах.

– Вы прочли все эти книги? – спросил он деда, и тот рассмеялся.

– Книжки – большое дело моей жизни, и ее долгих лет хватило, чтобы это прочесть.

Жилья вытаращил глаза.

– А ты, Жилья, любишь читать? – спросил его дед.

Он поколебался.

– Э-э... Когда как... Я... Я несколько раз прочел стихотворение Луизы.

Дед повернулся ко мне.

– Ты согласишься попробовать привить Жилью вкус к чтению?

– Конечно!.. Если он не против! – ответила я.

Он согласился. Я повела его в свою комнату. Жилья увидел музыкальную шкатулку, которую привез мне папа из одной из поездок.

– Я впервые вижу такую вещь, – сказал он. – Не понимаю. Как коробочка может играть музыку?

Я еще не задавалась этим вопросом, и он поверг меня в замешательство. Мы крутили и вертели музыкальную шкатулку, пытаюсь понять, откуда берется музыка.

– Может быть, где-то прячется оркестр и начинает играть, когда я ее открываю? – предположила я.

– А если ты откроешь ее ночью? – спросил он.

Жиль обладал жадой познания, и мне казалось, что ее невозможно утолить – такой она была огромной и насыщенной. Я жалела, что не могу ему ответить, но у меня самой было столько вопросов, что мы вдвоем могли бы веками вопрошать звезды.

После обеда мы пошли на рыбалку. Прескотт бегал вокруг, и Пьер был этим очень недоволен.

– Он распугает всю форель, из-за него мы ничего не принесем.

Пьер вдруг уловил какое-то движение в воде и дал нам знать коротким свистом. Я молилась про себя, чтобы форель не клюнула на крючок и вернулась к своим собратьям, но отчетливо видела ее – она плавала совсем рядом с наживкой Пьера. Она уже открыла рот, чтобы схватить наживку, но тут Прескотт, которому надоело ждать, кинулся к нам, весело мяукая. Форель испугалась – и только ее и видели. Пьер вне себя бросился на Прескотта. Папа велел ему успокоиться, но это не подействовало, и он очень рассердился. Несколько минут они мерили друг друга взглядами. Наконец Пьер бросил на землю свою удочку и убежал. Всех нас в очередной раз изумила его необузданная ярость, и горечь поднялась в наших сердцах.

Через несколько минут Жиль поймал форель и гордо положил ее в ведро. Я чудесным образом получила разрешение оставить ее себе и, вернувшись домой, поместила ее в банку на комод в моей комнате. Я решила назвать ее Кароль.

Под вечер я увела Жюля в большую библиотеку, чтобы дать ему первый урок чтения и письма. Он делал колоссальные усилия, расшифровывая каждое слово. Стало ясно, что перед нами стоит весьма непростая задача. Он переписывал алфавит снова и снова, не унывая, потому что в нем жила огромная жажда учиться.

– Теперь опиши нашу рыбалку, – сказала я ему.

Он писал медленно, прикусив язык. Я с волнением прочла его рассказ. Его лихорадочно написанные буквы вышли кривоватыми, как будто им было трудно выбраться из его воображения и они помялись по дороге.

Вернувшись в свою комнату, я увидела, как Прескотт ест Кароль на моем голубом ковре. Я отчаянно закричала и бросилась на него, чтобы прогнать из комнаты. Он облизнулся, зубы его были красны от крови Кароль, чье маленькое тельце он уже успел наполовину растерзать. Вошла Мария и остолбенела, потрясенная открывшимся зрелищем. Слезы потекли из ее вытаращенных глаз, и она завизжала. Мы обе бились в истерике, и папа рассердился.

– Прекратите хныкать! Прескотт – кот! А коты, если не указано иное, едят рыбу! – сказал он.

Инцидент был исчерпан.

Когда одним апрельским вечером 1909 года я вернулась из школы, в доме было тихо. Беспокорство охватило меня: я не понимала, куда все могли уйти в час, когда мы обычно собирались вместе. Я побежала в кухню, но и там никого не было. Даже плиту не затопили. Я поспешно направилась в комнату Марии. Она сидела на ковре с Пьером и двумя слугами. Алия выглядела озабоченной. Тревога захлестнула меня.

– А... куда они все ушли?

Алия встала и взяла меня за руки.

– Дедушка с мамой пошли на общественное собрание по поводу событий, случившихся в Адане. Они скоро вернуться, – объяснила она.

– А... что за события? – спросила я срывающимся голосом.

Она поколебалась, бросила вопросительный взгляд на второго слугу. Пьер повернулся ко мне.

– Турки вырезали множество армян! – сказал он.

Мария посмотрела на него, на ее лице был написан ужас, а Алия, рассердившись, велела ему идти в свою комнату.

– Не понимаю, почему нельзя сказать, что случилось, если Луиза хочет знать! – протестовал он.

Но все-таки ушел, сердито хлопнув дверью. Мария дрожала. Я не хотела больше задавать вопросов при ней. Я вышла из комнаты, утащив с собой Алию.

– Пьер сказал правду? – спросила я ее.

– Да. Твой дед созвал собрание, чтобы обсудить случившееся. А теперь иди к себе.

– Но... почему турки вырезали армян?

– Потому что... армяне – меньшинство в империи... Дедушка расскажет тебе больше, если захочет, Луиза, – ответила она.

Я вдруг поняла смысл разговоров, которые иногда подслушивала под дверью дедушкиного кабинета. Вот почему дедушка сначала захотел помочь туркам назначить своих в административный совет, прежде чем представить им список армян! Как будто деталь головоломки встала на место, и обрели смысл слова, которые я так часто улавливала, но не понимала. Я сжала руку Алии.

– А много было детей среди армян в Адане? – спросила я испуганно.

– Иди мой руки, Луиза. Вы должны поесть и лечь в постель.

Наверно, нам надо было бежать тогда, дорогое мое дитя, потому что события 1909 года были лишь репетицией дальнейших событий. Но как мы могли знать, что уже замыслили наши правители?

Назавтра я проснулась с болью в горле, и мне пришлось несколько дней пролежать в постели. Я не хотела быть нигде, кроме как здесь, в Мараше, в дедушкином доме, где чувствовала себя защищенной от всего. Во время моей болезни дед пригласил домой учительницу, чтобы я не слишком отстала. Это была высокая робкая женщина с изысканными манерами. Ее уроки мне очень понравились. Когда Мария возвращалась из школы, я без усталости нахваливала ее.

– Знаешь, мне больше нравится учиться дома. Я решила не возвращаться в школу, – сказала я ей.

– Правда? А можно я буду учиться с тобой?

– Конечно!

– Пойду скажу дедушке!

И она отправилась в его кабинет, куда всегда боялась заходить, чтобы сообщить ему великую новость.

– Дедушка, теперь мы с Луизой будем учиться дома с учительницей.

Вскоре они явились в мою комнату, и я поняла, что наша идея пришлась деду не по вкусу.

– А почему же, барышни, вы не хотите возвращаться в школу? – спросил он.

– Потому что мне там ужасно скучно, – ответила я. – Уроки такие длинные и бесполезные. Лучше быть одной в комнате и размышлять.

– Я тоже люблю размышлять, и лучше делать это в комнате с куклами, чем в школе, – добавила Мария.

Это вызвало у деда улыбку, но он не дрогнул.

– Однако в школе учат многому, чему нельзя научиться в одиночку, – сказал он.

Мария усомнилась в правдивости его слов.

– Чему же, например?

– Учат жить вместе, – ответил он.

От его ответа мы на минуту лишились дара речи.

– Но, дедушка, я отлично могу научиться жить вместе здесь, – возразила Мария.

– С кем же ты будешь жить вместе здесь? – спросил дед.

Она посчитала на своих прелестных пальчиках.

– Я, Луиза и Прескотт. Это уже трое вместе!

Я быстро нашлась, что добавить.

– И будет еще учительница. С ней мы научимся жить вместе, это я тебе обещаю! – сказала я.

Дед улыбнулся, но лоб его хмурился. После резни в Адане его такие голубые глаза едва заметно потускнели, словно небо вдруг заволочло серыми тучами.

– Ни одно из решений, которые я принимаю за вас, не предназначено для того, чтобы вас расстраивать, – добавил он.

Мария тяжело вздохнула.

– Конечно, дедушка, но они все равно нас расстраивают!

Он рассмеялся.

– Вы не должны на меня за это сердиться.

Он обнял нас крепче обычного. Оглядываясь назад, я вновь переживаю этот момент. Быть может, он предвидел все, что произойдет потом, и хотел уберечь немного нежности от уже надвигающегося неотвратимого ужаса. Это объятие и его печальный взгляд оставили странный отпечаток в моем сердце, но радости детства быстро прогнали эти пока не понятные мне чувства. Что должны мы были сделать тогда? Как могли мы знать, что будем ввергнуты в такую бездну несчастий?

* * *

Я устала, дитя мое. Так давно я не возвращалась в гнездышко моего детства! Кровь больше не льется, но надо было дождаться, пока исцелится сердце. Морщины залегли на нем и окрасились красным, однако в крови оно не утонуло. Но не будем спешить, пройдемся еще немного по спокойствию минувших дней. Как ты полюбила бы деда! Он был самой увлекательной книгой в библиотеке жизни. У него была невероятная память, вместившая столько столетий, что, отвечая на мои вопросы, он охватывал целый мир. Врожденное чувство справедливости заставляло его вершить правосудие, зная меру. Он умел разделять волны бурного моря и снимать пену всех на свете горестей. Он рассматривал со стороны каждый вопрос и вглядывался в горизонт с верой. Его слова были полны мудрости и меры. Он уплыл далеко за вулкан, когда нас всех унесла жгучая лава. Он накладывал на наши раны венки из цветов. Мы были бутонами жизни, политыми мудростью и радостью. Бутонами, внезапно вырванными из земли, отчаянно ищущими в хаосе остатки корней. Но не будем забегать вперед...

7

Солнце заливало пол веранды. Талин положила тетрадь в кожаной обложке на шезлонг и в потрясении вышла из дома. Когда она волновалась, обострялись все ее чувства. Какая-то часть ее удалялась от реального мира, вынуждая призывать на помощь свое обоняние, чтобы почувствовать себя в безопасности. Она спустилась по каменной лестнице, обогнула клумбу с розами справа от дома и углубилась в сад. Пальмы и юкки соседствовали с апельсиновыми деревьями, оливами, лаврами, земляничником... Талин шла несколько минут и остановилась перед цветочным органом. Эта тайная обширная часть сада была обустроена в форме звезды. Поросшая травой тропинка соединяла клумбы, цветы на которых были высажены в зависимости от силы их запаха. Этот душистый путь следовал по шести лучам звезды. Она сама придумала это вместе с Ноной, тщательно выбирая каждый сорт, чтобы дать обонянию особые впечатления.

Талин любила это место, запахи в котором варьировали в зависимости от времени дня, направления и силы ветра. Молодая женщина пошла по тропинке наугад и зажмурилась. Сладковатый, яркий и дурманящий аромат лилий взлетел к ее ноздрям. Потом донесся другой – сильный, глубокий, отдающий мускусом запах византийских гладиолусов. Нона любила их высокие стебли, украшенные белыми цветами с гранатовой сердцевинкой. Талин продолжала медленно идти вперед. Отчетливый сиропный запах. Туберозы... Потом нежный вечерний аромат резеды, чьи цветы образовали зеленые колосья, чуть подкрашенные желтым. Талин замерла. Пряники, ваниль, мед... большие синие зонтики гелиотропа опьянили ее. Она питала страсть к этим цветам. Она зафиксировала этот миг в себе, зная, что в любой момент своей жизни сможет вновь пережить его с той же интенсивностью, с той же силой. Ни один запах не подводил ее, когда она его призывала. «Это твои лучшие друзья», – всегда говорила ей Нона. И она была права. Аромат английского мыла с гвоздикой смешался с сильным и сладким запахом розовых цветов клеродендрума Бунге. Талин шла медленно и ощущала тонкий аромат душистого горошка, с которым смешивался бьющий в ноздри приторный запах ярких метелок будлеи. Она сделала еще несколько шагов и вдохнула томный и пряный аромат испанского дрока. Слева повеяло южной свежестью лаванды. Она открыла глаза. Прямо перед ней лесной табак раскинул свои зеленые листья, увенчанные склоненными белыми трубочками цветов с восхитительным сладким запахом. Потом был жасмин, головокружительный, хмельной, обволакивающий, а следом прохлада жимолости. Талин ускорила шаг и глубоко вдохнула, почти побежала, чтобы дать раскрыться новым аккордам. Ударил в ноздри запах, которого она прежде не замечала. Тяжелый, экзотический – это пахла бругмансия. Ее большие диковинные цветы, словно склоненные пухлые трубы, розовые, белые, желтые и оранжевые, привели ее в восторг. А чуть подальше цеструм раскроет свои тайны в сумерках, когда распустятся его цветы, высвободив свой загадочный аромат.

Уходя из цветочного органа, Талин почувствовала, что успокоилась. Сад был большой, молодая женщина любила его. Там не было мест, где бы она не мечтала, не сочиняла стихов, не придумывала ароматов. Каждая частица несла на себе след счастливых дней с Ноной. Чуть поколебавшись, Талин пошла дальше. Она пробралась под кустом и перелезла через белую ограду, обозначающую конец сада. Она не знала, хорошо ли являться вот так, с бухты-барахты; она не видела его после смерти Ноны. Может быть, лучше было предупредить о своем приезде? Солнце начало бледнеть, давая передышку от жары. Она уже различала дом, ничем не похожий на бабушкин. Это было скорее шале в два этажа. Дом не очень большой, но какой-то по-особому милый. Талин подняла руку, чтобы позвонить, но дверь открылась.

– Входи, прошу тебя, – сказал он.

В доме было прохладно. Она ломала голову, что сказать, но ничего не придумала и бросилась ему на шею.

– Боже мой, Тео, мне так ее не хватает! – всхлипнула она и разрыдалась.

Он молчал и ждал, когда она успокоится, ласково похлопывая ее по спине. Потом пригласил ее сесть на диван в гостиной и подал ей чашку горячей воды с цветами апельсина – это называлось ливанским белым кофе. Теодор смотрел на нее с нежностью. Он помнил ее на каждом этапе ее жизни. «Эта девочка придет мне на смену, Тео, вот увидишь, – предсказывала Нона. – У нее исключительное обоняние». Она была права, как и во многом другом. Теодор сам удивился охватившему его сильному волнению. Он ведь мудрый и хладнокровный старик!

– Почему ты не пришел на похороны? – спросила его Талин.

В ее голосе звучало горе и нотки укоризны.

– Потому что я ее не похоронил.

Она не поняла, что он хочет сказать.

– Я очень старый человек. Мне скоро исполнится девяносто два года. Думаешь, в моем возрасте я еще должен заморачиваться вещами, в которые не верю?

– Во что ты не веришь?

– В смерть.

– Но ведь Нона умерла.

Слезы омыли каждое ее слово.

– Умерла для кого?

Талин молчала. Она смотрела на длинные пальцы Теодора, на его руки, покрытые старческими пятнами, красивые белоснежные волосы, орлиные глаза, которые заглядывали ей в самую душу.

– Твоя бабушка умерла только в физическом смысле. Каждый день, каждую секунду я ощущаю ее присутствие. Все, что мы с ней пережили, разделили, открыли вместе... Она присутствует в моей жизни гораздо реальнее, чем многие живые. Так кто же может утверждать, что она мертва? Я уверен, что ты чувствуешь то же самое. Она сеяла жизнь повсюду, даже если сама пребывала в самом мрачном отчаянии. Да, ее тела, того, которое мы знали, больше нет. Но кто скажет, что она умерла, когда она воплощает жизнь больше, чем кто бы то ни было из нас?

– Но мне ее не хватает. Так не хватает, что я задыхаюсь.

– Это нормально. Это привычка к ее физическому присутствию. Ты ее больше не видишь, теперь ты должна ее ощущать. Ты же нос, Талин, у тебя есть огромное преимущество. Сосредоточься на ее присутствии.

– Ты тоже это делаешь?

– Да. Я это делал, еще когда она была физически здесь.

– Почему?

– Нона не так-то легко подпускала к себе.

Талин задумалась. Что Теодор хотел сказать? Сколько она их знала, они всегда были очень близки. Насколько было известно Талин, их связь началась, еще когда Нона была замужем. Она не могла быть в этом уверена, бабушка была скрытной и не выставляла напоказ свои чувства. Теодор много значил для нее, он был, наверно, единственным мужчиной, которого она любила. Талин захотелось его расспросить, но стыд ее удержал. Стыд и страх. Ей не хотелось, чтобы потускнел бабушкин образ.

– Она рассказывала тебе когда-нибудь о своем детстве?

Теодор всмотрелся в нее. Его не удивил ее вопрос.

– Упомянула иногда.

– Что она говорила?

– Что ей всегда не терпелось вырасти, чтобы уехать и посмотреть мир. Что ее обоняние и любовь к запахам спасли ее.

- Спасли от чего? – спросила Талин.
- От мира, от всего... – ответил Теодор.

Талин поколебалась. Она никому не говорила о конверте, о письмах и тетради в кожаной обложке. Голубые глаза Теодора были устремлены на нее.

- Она когда-нибудь упоминала при тебе Луизу Керкорян? – задала она вопрос.
- Нет.
- Нона кое-что оставила мне перед смертью. Рассказ. Я думаю, это что-то очень важное.
- Несомненно. Иначе она бы тебе его не оставила. Ты прочла?
- Читаю.
- Ну вот, продолжай. Ты найдешь там ответы, которые ищешь. И которых не ищешь тоже. Он поймал вопросительный взгляд Талин.
- Нона хотела, чтобы ты знала.
- Чтобы я знала что?
- Кто ты, откуда.
- Но почему она ничего не сказала мне при жизни?
- Наверно, не могла.
- Нона могла все, ты же знаешь.

Теодор улыбнулся, услышав эти детские слова Талин. Он как будто вновь увидел ее маленькой девочкой, не отходившей от бабушки, впитывающей каждое ее слово, боготворящей ее.

– Твоя бабушка была чудесной, уникальной, особенной, удивительной, согласен. Но тебе придется признать, что она была всего лишь человеком.

Талин не поняла слов Теодора. Ее рассердила его откровенная улыбка. Она поймала себя на том, что хочет возразить ему и встать на защиту Ноны, но промолчала.

- Я не знаю, что делать. Я видела мир ее глазами.
- Но ты чувствуешь его своим носом. Сделай его компасом. Нона была твоим проводником, она всегда будет с тобой. Но теперь ты должна вырасти. Ее «уход» дает тебе этот шанс.
- Как тебе удастся всегда быть таким мудрым, Теодор?

Он лукаво улыбнулся.

– Если в моем возрасте напускать на себя важный вид, прослывешь мудрецом. Я не так уж мудр, поверь мне. Я просто стар, – пошутил он. – Представь себе мое выражение на лице тридцатилетнего мужчины, сказала бы ты то же самое?

- Конечно да, – ласково ответила она.
- Еще белого кофе? – спросил он.
- Нет, спасибо.

Талин успокоилась, как всегда бывало в присутствии Теодора. Она вдруг поняла, что знала его всю жизнь. Он тоже ее вырастил.

- Ты помнишь твою первую встречу с Ноной? – спросила она.
- Конечно! Она была так на меня зла.

Талин вопросительно посмотрела на него.

– Она попросила меня отложить для нее конкрет розы. Это была неформальная просьба, контракта мы не подписывали. Тем временем один из моих самых крупных клиентов заказал большую партию, и я продал ему весь свой запас. Когда Нона пришла за своим конкретом, не осталось ни одного розового лепестка.

- Что же она сделала?
- Обругала меня, назвала ничтожеством, жалким типом.

Талин засмеялась, представив себе эту сцену.

- Ну и?
- Я держался стойко, ты меня знаешь. И пригласил ее поужинать.

– Она согласилась?

– Конечно нет! Она ушла, пригрозив разорить меня. Потом я принес ей конкрет вместе со своими извинениями, которые она не приняла. Твоя бабушка была настоящим ураганом. Смерчем. Стоило ей войти в комнату, она втягивала все на своем пути. А уходя, она оставляла за собой огромную пустоту.

– Да, я знаю... – прошептала Талин. – Ты так любил ее...

– Зачем говорить в прошедшем времени? – улыбнулся Теодор. – Ладно, довольно пережевывать воспоминания! Хочешь что-нибудь съесть?

– Да, с удовольствием.

Теодор достал из холодильника коробку яиц.

– Ты примирилась с желтками? – спросил он смеясь.

– По-прежнему нет.

– Тогда белковый омлет!

Они вместе приготовили салат из соцветий огуречника, продолжая разговор и смеясь. Теодор как никто умел рассказывать смешные и пикантные анекдоты. Впервые после смерти бабушки Талин провела хороший вечер. В дом Ноны она вернулась в одиннадцатом часу. Погруженная в свои мысли, вошла на веранду и повернула выключатель. Вспыхнули розовые лампы, залив помещение теплым светом. Звонок телефона привел ее в себя. Она поколебалась, увидев номер, высветившийся на экране мобильного, и нехотя ответила.

– Где ты? – почти кричал Матиас. – Я звонил тебе не меньше трех раз.

– В Бандоле.

– Ты ведь должна была остаться на этот уик-энд в Париже.

Талин не ответила. Какая-то часть ее еще была в Мараше с Луизой и ее родными, а другая – с Теодором. Она устремила взгляд на французское окно и окуталась запахом гелиотропов, чтобы почувствовать себя в безопасности.

– Талин, я с тобой разговариваю. Ты меня слышишь?

– Да...

– Когда ты вернешься?

– Понятия не имею.

– Как это?

Матиас прилетел из Нью-Йорка и хотел, чтобы она была дома. Так было всегда. Он постоянно уезжал, мотался в командировки во все концы земного шара... А Талин должна была подстраиваться под его график и быть дома всякий раз, когда он возвращался в Париж. Она находила это несправедливым, но всегда подчинялась. Сегодня вечером впервые это стало ей невыносимо.

– Ты же знаешь, как я люблю, когда ты дома, когда я возвращаюсь, – говорил Матиас. – Садись на поезд и возвращайся.

Талин напряглась.

– Нет.

– Я думал, тебе хочется меня увидеть.

– Я не могу вернуться. Мне надо остаться здесь.

– Ты в доме?

Она не хотела, чтобы он это знал, почему-то чувствуя потребность защититься.

– Да, – нехотя ответила она.

– Нам надо поговорить о продаже.

– Какой продаже?

– Ты могла бы взять очень хорошую цену за этот дом.

Талин затошнило. Легкость, с которой Матиас это сказал, была ей невыносима. Она не ответила, не хватило духу спорить с ним сейчас.

- Созвонимся завтра, я устала.
- Когда ты вернешься? – настаивал он.
- Скоро.

Она отключилась и перевела телефон в авиарежим. Теперь никто до нее не дозвонится. Восхитительное ощущение свободы охватило ее. Она прислонилась спиной к спинке шезлонга и откинула голову, держа в руках тетрадь в кожаной обложке. Кто такая Луиза? Мать Ноны? Одна из ее теток? Бабушка никогда не упоминала о ее существовании. Талин не нашла ни одной зацепки ни в тетради, ни в конверте, оставленном Ноной.

Вдруг она вздрогнула, услышав шорох, и вскочила. Скрипнула дверь, зашуршали шаги. Кто-то был в доме! Она огляделась. Куда бы спрятаться? На веранде не было ни одного укромного уголка. Она побледнела и, вытаращив глаза, схватила статуэтку в тщетной попытке защититься. Дверь открылась. У Талин подкосились ноги. Что-то набросилось на нее. Она замахнулась статуэткой и оказалась лицом к лицу с... котом! Он смотрел на нее, склонив голову набок. Это просто смешно. Она протянула к нему руку. Он обнюхал ее, потерся о ее ноги и заурчал.

– Как тебя зовут?

Он гипнотизирующе смотрел на нее зелеными глазами.

– Я назову тебя Прескотт. Как котенка из Мараша.

Это его, видимо, устроило, он замахал хвостом и замыкал.

Талин снова задумалась, почему бабушке было так важно передать ей эту тетрадь теперь, когда ее больше не было в живых. Сигнал рабочего телефона напомнил ей, что завтра днем надо быть в Париже на совещании по раскрутке «Золотой Луны», о котором она начисто забыла. У нее защемило сердце. Профессиональные обязанности не были повинны в ее страхах, работу свою она любила больше всего на свете. Она подумала о Матиасе и догадалась, что теперь будет. Упреки, крики, шантаж... Талин замерла на середине своей жизни, с тетрадью Луизы в руке, и не знала, как найти свою дорогу. Она мысленно призвала на помощь Нону.

Назавтра в полдень Талин была в Париже. Выйдя из поезда на Лионском вокзале, молодая женщина хотела было заехать домой, забросить чемодан, но передумала, чтобы не рисковать встретить Матиаса, и отправилась прямо в офис семейного предприятия. Она погладила кожаную обложку тетради в сумке, ей не терпелось продолжить чтение.

Войдя в особняк, который Нона приобрела много лет назад, Талин расслабилась. В то время 17-й округ Парижа был не тот, что нынче, офисов там было мало. Нона сделала ремонт и обосновалась здесь сама, а затем обустроила и офис компании. Она брала Талин с собой, с тех пор как та научилась ходить. Бабушка всегда смотрела на нее как на свою помощницу: ей едва исполнилось шесть лет, а она уже спрашивала ее мнение об ароматах, флаконах, названиях и слоганах духов. Талин поздоровалась с Анной, сотрудницей ресепшена, и пошла в свой кабинет. На ее столе стояли флаконы с актуальными пробами, ее блокноты, компьютер с рецептурными программами, на которые она опиралась, бутылочка духов Ноны и держатель с бумажными пробниками. Эти бумажки пропитывали духами, чтобы наблюдать за раскрытием запаха. Глядя на этот мирок, в котором она жила всегда, Талин вдруг осознала, какое бремя легло на ее плечи. Нет больше Ноны, которая всегда давала советы и поддерживала. Теперь ей предстоит самой принимать решения. Она ответила на несколько пропущенных писем. Было уже три часа, совещание по «Золотой Луне» начиналось через пятнадцать минут. Она просмотрела досье, оставленное для нее Анной. Там бы полный комплект утвердительных документов. Формула «Золотой Луны» претерпела кое-какие корректировки, чтобы отвечать требованиям европейских нормативов и норм IFRA². Затем надо было составить информационное досье продукта, пригласить токсиколога для оценки безопасности и обратиться в независимую орга-

² International Fragrance Association – Международная ассоциация духов (англ.).

низацию, чтобы тщательно проверить сенсibiliзирующий потенциал духов, оценить кожную переносимость и провести тесты на добровольцах. Целый процесс, который, по обыкновению, контролировала Нона. На нескольких документах стояла ее подпись, на других были пометки, написанные ее рукой. Талин встала и открыла дверь в смежный кабинет бабушки, где все осталось как было. Взволнованная, Талин села в кресло. Перед ней лежали три бумажки. Новые образцы духов, придуманных Ноной... Она поднесла их к носу, быстро вдохнула несколько раз, потом сделала глубокий вдох. Один запах привлек ее внимание. Начальная нота горячая, живая, острая. Нота сердца эфирная. Талин распознала фиалку, ирис, сандал, мускус. На бумажке Нона написала от руки «Письмо Луизе». На двух других было написано «Лавандовый поцелуй» и «На облаке». Молодая женщина взяла блокнот Ноны и лихорадочно пролистала его в поисках зацепок. Она просматривала бабушкины заметки. Целые страницы, исписанные знакомым почерком. Душистые аккорды складывались в музыкальную партитуру. Абсолют жасмина и розы, эссенция индонезийского пачули, ваниль, ладан, смола лабданума... Абсолют мате, эссенция мандарина, ирис, мох... Пробегая глазами бабушкины партитуры, Талин погрузилась в ароматы, накатывавшие на нее волнами, округлые, сладкие, сухие, свежие, древесные...

Из блокнота выскользнула фотография. Маленькая девочка и ее мать. Они сидели рядом, но казались очень далекими. На обороте было написано «Луиза и я». Луиза... значит, автор дневника – мать Ноны, ее прабабушка. Потрясенная Талин всмотрелась в ее лицо. Прямой пробор разделял темные волосы, собранные в узел на макушке, лоб стягивала бархатная лента. На ней было темное платье, слегка приоткрывавшее грудь. В глазах, глядевших в объектив, читалась бесконечная грусть. Молодая женщина казалась пленницей непостижимого мира. Ноне было лет пять или шесть. Впервые Талин видела детскую фотографию своей бабушки. Она была поражена ее серьезностью. Ее поза выдавала потребность прикоснуться к матери, но в выражении лица читалась замкнутость и смирение. Талин уловила что-то интимное, какую-то бабушкину тайну. Скрытую истину, объяснение которой ей не давалось, но которую она ощущала всем телом. Что произошло между этими двумя женщинами? Почему Нона никогда ничего не рассказывала о своем детстве? В очередной раз Талин пожалела, что не расспрашивала ее. Какой-то информацией мог располагать Теодор, но она знала, что он ничего ей не скажет.

Голос за дверью вернул ее к действительности. Совещание начиналось... Талин вложила фото назад в блокнот. Она убрала его в ящик своего стола, взяла бумаги и пошла в зал.

На столе стоял поднос с водой, апельсиновым соком, чаем и кофе. Талин закрыла за собой дверь и села рядом с креслом, которое обычно занимала Нона. Она не хотела садиться в него, боялась, что тогда ей покажется, что бабушка умерла во второй раз. Все сотрудники повернулись к Талин. Она заглянула в досье и взяла слово.

– Это первые духи, которые мы выпускаем без Ноны, – начала она, силясь совладать с волнением. – Мы должны успешно справиться с каждым этапом, чтобы она гордилась нами. Мы создали эти духи вместе, она их очень любила. Я полагаюсь на вас и надеюсь, что рекламная кампания будет удачной...

Голос ее дрогнул.

– ...как хотелось бы ей... – добавила она.

В основе «Золотой Луны» лежал османтус. Этот редкий кустарник родом из Азии покорила Нону, когда она впервые побывала в Китае. Она прониклась страстью к белым цветочкам, источающим дивный аромат – фруктовый, жасминовый, чувственный, животный. Она обожала цветок османтуса с четырьмя лепестками, расположенными простым крестиком, обожала и краткость его цветения – всего десять дней в июне. Нона любила все, что обладало историей, своеобразием. Она добавила розу, пачули, ладан и мускус. Это был необычный запах, одно-

временно хмельной и воздушный, и его очень ждали любители нишевой парфюмерии, высоко ценившие таланты Ноны. «Золотая Луна, особые духи» – такой был выбран слоган. При виде пустого бабушкиного кресла волнение захлестнуло Талин. Она взяла себя в руки – нельзя было давать волю горю перед сотрудниками.

– Селеста, ты проверила все наши пункты реализации? – спросила она менеджера по продажам.

– Да, все в порядке.

Селеста посмотрела на экран своего айпада и зачитала список стран, в которые будет поставляться «Золотая Луна». Европейские страны, разумеется, но еще Россия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн, Саудовская Аравия, США и Канада, Мексика, Сингапур, Тайвань, Австралия, Южная Африка... Нона сумела сплести сеть верных продавцов по всему земному шару, и они с нетерпением ждали ее творений. Качество духов играло в этом большую роль, но и обаяние ее личности тоже. Сможет ли пережить ее то, что она создала? Талин знала, что теперь все зависит от нее. Она ощутила острое жжение внизу живота, признак сильного, глубокого страха, знакомый ей с детства.

– В блогах уже пишут о выпуске «Золотой Луны», мы задействовали все социальные сети, – продолжила Карина, менеджер по пиару и маркетингу. – Событие, которого так ждала Нона, произойдет через месяц, двенадцатого июня. Приедут наши зарубежные покупатели. Эта новинка вызывает очень большой интерес. Сами духи интригуют, и...

Карина осеклась, смутившись.

– Не знаю, как сказать, чтобы не быть бестактной, но тот факт, что «Золотая Луна» – последние духи, созданные Ноной, делает их еще привлекательнее.

– В таком случае используем этот интерес, – отозвалась Талин. – Он вполне оправдан.

Слово взял Жереми, художник и криэйтор. Он разрабатывал дизайн флакона в тесном контакте с Ноной.

– Нона хотела выдвинуть на первый план особенность «Золотой Луны», – сказал он. – Она всегда приучала нас к оригинальным, необычным духам, и я не удивился, когда она сообщила, что следующие будут по-настоящему «особенными». Только когда Талин дала мне их понюхать в первый раз, я понял, что она имела в виду.

Он был прав. Запах «Золотой Луны» был плотским, чувственным, но при этом возвышенным. Это были духи с крепкими корнями, очень заземленные, но совершенно удивительным образом дарующие радость полета. Нона хотела, чтобы этот аромат стал мостиком между небом и землей. Они создавали их долго, запах «не шел», застревал, был слишком земным или слишком эфирным. А потом Талин поймала то особое состояние, которое наступало, когда запахи выстраивались в ряд, образуя отчетливую, понятную ей мелодию. Она предложила композицию, Нона ухватилась за нее и дополнила аромат. И получилась «Золотая Луна». Молодая женщина сохранила в памяти этот миг. Бабушка не спешила, благоговейно вдыхая их творение, потом повернулась к Талин и воскликнула: «Это “Золотая Луна”, мы это сделали!» Взрыв радости, объятия, смех...

После совещания Талин вернулась в свой кабинет и занялась делами, накопившимися в ее отсутствие. Погрузиться в работу, не думать, не возвращаться домой. Анна положила на ее стол забытое в зале заседаний досье.

– Я забронировала тебе билет в Лондон на завтра, – сказала она.

– Спасибо, – ответила Талин.

– Как ты смотришь на то, чтобы задержаться на день?

Талин подняла голову.

– Зачем? – спросила она.

– Развеешься немного. Ты не переводила дыхания после смерти Ноны. Ты могла бы переночевать у Кейт и Джона?

Анна смотрела на нее с тревогой. Нона, с которой она проработала лет двадцать, прозвала ее Фейя-Колокольчик. Она могла найти решение любой проблемы, занималась секретарской работой, административными вопросами, назначением встреч и даже любовными горестями служащих.

– Они будут рады тебе, а их дети тебя обожают.

– Не знаю, Анна. Я не в настроении поддерживать беседы.

– С каких это пор Кейт и Джон нуждаются в поддержании бесед? – воскликнула Анна. – Они так болтливы, что будут только рады, если ты помолчишь!

Талин печально улыбнулась.

– Ты им позвонишь? – добавила Анна. – Остальным я займусь сама.

– Договорились.

Талин взяла досье «Золотой Луны» и открыла его.

– Я еще побуду здесь.

– Ты знаешь, что я рядом, если тебе понадобится, – сказала Анна.

Талин прочла печаль в ее взгляде. Или это была жалость? Она напряглась.

– Со мной все в порядке, не беспокойся, – сухо бросила она.

Анна больше ничего не сказала и вышла из кабинета.

Приближаясь к своему дому, Талин чувствовала себя все хуже. Когда она спустилась по авеню Марсо и пересекла Сену, ее тело вышло из-под контроля и болезненно сжалось, она ничего не могла поделать. Такси остановилось у ее дома на Университетской улице. Она дышала с трудом, и ей пришлось дважды набирать код на входной двери. Талин вошла с чемоданом в лифт. Поднявшись на пятый этаж, долго стояла на лестничной площадке, не в состоянии вставить ключ в замок. Наконец она решилась, механически повернула ключ и вошла. В квартире было тихо. Матиас еще не вернулся. Он немного расслабилась, надеясь, что он опять куда-то улетел, разложила свои вещи и села на кровать.

Через несколько минут дверь спальни распахнулась. Она вздрогнула и поспешно спрятала тетрадь, которую собиралась читать. В комнату буквально ворвался Матиас. Талин был знаком этот взгляд, это застывшее выражение на его лице. Ей было страшно, тревожно, однако почему-то хотелось смеяться.

– Почему твой телефон не отвечает со вчерашнего вечера?

Талин смотрела куда-то вверх его головы.

– Во что ты играешь, Талин?

– Мой мобильный в авиарежиме, я сама его выключила, – ответила она.

– Я звонил тебе раз двадцать.

– Тебе что-нибудь было нужно? – насмешливо спросила она.

– Не играй со мной в эти игры.

– Какие игры? Те, в которых я отвечаю на твою агрессию?

Матиас шагнул к ней. Обычно этого было достаточно, чтобы ее запугать. Она иногда пыталась воспротивиться, но исходившая от него сила рождала в ней страх. И она снова покорялась, пугаясь собственной попытки бунта. Но на этот раз она не втянула голову в плечи. Он растерялся, она заметила это по произвольному движению его челюсти.

– Я не понимаю, что с тобой произошло после смерти Ноны, я тебя не узнаю.

– Со мной ничего не произошло. Я просто потеряла человека, которого любила больше всех на свете. Это, пожалуй, может объяснить, почему твои приступы авторитаризма меня все сильнее достают.

– Не смей, Талин.

Они мерили друг друга взглядами.

– Что?

– Так разговаривать со мной.

– Ты заметил, что не выносишь, когда тебе перечат? – спросила она.

– Ты должна выставить на продажу дом в Бандоле.

– Я не хочу его продавать, я тебе уже говорила! – воскликнула она.

– Это не обсуждается. Мы же все решили.

– Ты решил, не я! Я никогда не продам этот дом.

Талин услышала эхо своего голоса и вдруг сама испугалась взятого тона. Она не помнила, чтобы когда-нибудь так разговаривала с Матиасом.

– Ты правда думаешь, что сумеешь сама руководить предприятием бабушки? И сохранить этот дом? Посмотри на себя, ты на это неспособна.

Его слова надломили уверенность Талин. А что, если он прав?

– Где бы ты была без Ноны? Она взяла тебя под крылышко, потому что пожалела.

Талин ничего не ответила. Матиас знал, что выигрывает очки.

– Бедняжка моя, – ласково продолжал он, – я понимаю, что ты стараешься как можешь, но мы оба знаем, что этого недостаточно.

Он привлек ее к себе, она злилась, но сил сопротивляться не было. Его губы искали ее губы. Она крепко сжала их, но язык Матиаса проник в нее, заставив раскрыть губы. Он целовал ее, она чувствовала тяжесть его тела. Холодок отворачивания пробежал по спине, но она заставила себя ответить на его желание.

Когда все кончилось, Матиас велел ей идти одеваться. Она посмотрела на него, не понимая, потом с тоской вспомнила, что они приглашены на ужин. Он открыл ее платяной шкаф, достал черное трикотажное платье и пару «лодочек».

– Собирайся, – приказал он, протягивая ей выбранную для нее одежду. – Мы выходим через полчаса.

Талин молча повиновалась и направилась в ванную. Встретив свое отражение в зеркале, она заставила себя улыбнуться и встала под холодный душ. Ледяная вода пощипывала кожу, по телу побежали мурашки. После душа она мало-мальски пришла в себя. Матиас ждал ее в гостиной, одетый в темно-синий, сшитый на заказ костюм и белую рубашку, украшенную запонками с его инициалами. Она вошла, уже затянутая в платье, в черных туфельках, каштановые волосы были собраны в свободный узел, из которого выбивалось несколько прядей. Серьги с изумрудами, подарок Ноны, дополняли наряд. Она не стала душиться, даже Нониной амброй, но сунула флакон в сумочку. У Матиаса сразу разболелась бы голова, и тогда упреков не оберешься.

– Ты очаровательна, дорогая. Постарайся произвести хорошее впечатление сегодня вечером, – сказал он.

Вечеринка проходила в квартире площадью около двухсот квадратных метров, из окон открывался великолепный вид на Эйфелеву башню. Она вспыхнула огнями в тот момент, когда Талин вошла в гостиную, ища знакомые лица среди гостей, толпившихся с бокалами шампанского в руках.

– Талин, рада тебя видеть! – воскликнула хозяйка.

– Здравствуй, Кассандра. Как поживаешь? – ответила Талин.

На нее пахло дурманящим запахом «Опиума» от Ива Сен-Лорана, когда они поцеловались. На коже Кассандры начальные ноты – мандарин, альдегиды и кориандр – звучали весьма отчетливо и окисляли эти духи, хотя Талин их очень любила. Когда она сама изредка ими пользовалась, проявлялись ноты сердца, особенно бензойная смола, ваниль и пачули, раскрывая роскошь и чувственность их композиции. Талин повернула голову, отворачиваясь от кислого запаха кожи хозяйки, которая целовалась с Матиасом. К ним подошел Фабрис, муж Кассандры.

Его туалетная вода с нотками лимона смешивалась с запахами стресса и кофе. Тот же запах, что и у Матиаса... Хозяин уже выпил несколько бокалов шампанского и сопровождал каждую свою фразу раскатистым смехом. Талин смотрела на Матиаса, он разговаривал со всеми сразу и пребывал в своей стихии. Она в очередной раз осознала, до какой степени он другой на людях.

– Как продвигается твой контракт с «Ситаксо»? – спросил Фабрис Матиаса.

Талин почувствовала, как тот слегка напрягся.

– Все отлично, скоро подпишем. Я опять лечу в Нью-Йорк через два дня.

Она не знала, что он уезжает так скоро, но вздохнула с облегчением.

– Я слышал, это оказалось сложнее, чем ожидалось, – добавил хозяин. – Я работал с ними несколько лет назад, у них скверная репутация. Советую тебе быть с ними осторожней.

– Обо мне не беспокойся, – ответил Матиас, подливая хозяину шампанского.

Талин отметила, что у Матиаса нервно дернулись уголки губ; он деланно улыбнулся и сменил тему. Она пыталась следить за разговором, но было скучно, и она отошла. Наблюдая за гостями, которые громко разговаривали и смеялись, она снова почувствовала себя чужой.

Что я здесь делаю?

Она обошла квартиру. Белые стены, современные картины, холодные тона, строгий дизайн – все напоминало ей квартиру Матиаса. Мою квартиру, поправила она. Она там никогда не чувствовала себя дома. До нее донеслись голоса. Она направилась в уголок террасы и замерла, узнав голос Матиаса.

– Чего ты добиваешься, метишь на мое место? – говорил он.

– Я получу его, когда захочу, ты это отлично знаешь. Что ты натворил, черт побери?

Талин спряталась за портьеру. Фабрис был очень зол.

– Я не стану больше тебя прикрывать, слышишь?

– Ты мне и не нужен, что ты о себе возомнил? – отозвался Матиас.

– Ты влип по-черному. На этот раз ты рискуешь вылететь, и я больше ничем не могу тебе помочь.

Талин услышала шаги: Кассандра шла к своему мужу. Тот сладко улыбнулся ей. Атмосфера тут же изменилась. Они засмеялись и пошли к гостям, столпившимся на другом конце террасы. Талин задыхалась. Что имел в виду Фабрис, сказав, что Матиас «влип по-черному»? Она заледенела.

– Шампанского? – предложил мужской голос.

Талин обернулась. Темный костюм, белая рубашка, запонки, стресс, кофе, тестостерон. Еще один банкир.

– Нет, спасибо, – сухо ответила она.

– Юго Лесье, – представился мужчина, очень уверенно протягивая ей руку.

У нее не было никакого желания к нему прикоснуться, но руку она протянула. От его мягкой белой кожи ее передернуло.

– Прекрасный вечер, правда? – не унимался он.

Она не ответила, забившись поглубже внутрь себя.

– Я люблю эти парижские вечеринки. В них есть особый шарм. Дайте угадаю, – продолжал он, окинув ее взглядом, – вы не в финансах?

Талин огляделась в надежде, что кто-нибудь его отвлечет, но они были одни в этом отдаленном уголке квартиры.

– Вовсе нет.

– В чем же вы? – спросил он, обольстительно улыбаясь.

– Она в моей жизни, – ответил за нее Матиас, встав между ними и обнимая ее за талию.

Мужчина побледнел, извинился, и только его и видели. Матиас крепко держал Талин за талию. Он сдавил ее сильнее.

– Ты делаешь мне больно, – сказала она, пытаясь высвободиться.

– Я просил тебя произвести хорошее впечатление сегодня вечером, – упрекнул ее Матиас.

– Но я это и делаю!

– Позволяя себя клеить этому придурку?

Талин резко оттолкнула его.

– Он сам ко мне подошел.

– Непохоже, чтобы тебе это было неприятно, – повысил тон Матиас. – Ты стояла и кокетничала с ним.

– Неправда! Я не кокетничала.

– Еще как. Ты вынуждаешь меня постоянно за тобой присматривать, я не могу тебе доверять.

Талин внимательно смотрела на него. Ситуация была гротескной. Снова это чувство, будто живешь не в своей жизни... Однако, чтобы из нее выбраться, не хватало детали пазла. В смятении она почувствовала, что теряет почву под ногами, нервы были обнажены. Она пожалела, что не нанесла на запястья несколько капель Нониной амбры. Теперь она не могла достать флакон из сумочки и изо всех сил сосредоточилась на воспоминании об амбре на коже бабушки. Округлый, глубокий, роскошный аромат отгородил ее от Матиаса. Он продолжал ее отчитывать, но его слова больше не задевали ее. Закрывшись, как щитом, запахом Ноны, она решила обороняться.

– А ты что мне скажешь насчет «Ситаксо»? – спросила она.

Матиас побледнел. Она поняла, что выиграла очко. Он грубо схватил ее за руку.

– Прекрати, мне больно! – закричала она, безуспешно пытаясь вырваться.

Матиас огляделся, они были одни в коридоре, который вел в гостиную.

– Не вздумай больше так говорить со мной, иначе...

– Иначе что? – воскликнула она.

К ним шла Кассандра.

– Я вас везде ищу, – сказала она. – Десерт подан, идемте!

Она потащила их в гостиную. Голоса и смех немного сняли напряжение. Матиас снова стал неотразимым и обаятельным, каким умел быть в обществе. Талин знала, что стычка продолжится позже, в приглушенной тишине их квартиры.

Их много, и они окружили ее. Мужчины, женщины, дети... потерянные, голодные, с остановившимися взглядами. Они приближаются, тянут к ней руки. Нельзя здесь оставаться. Она озирается, но убежать не может. Ее тело тяжелое, обремененное ношей, которую несут они. Она хочет закричать, но не слышно ни звука.

Беззвучный крик.

Их глаза... Она не может выдержать их взглядов... Запавшие в глазницы, вернувшиеся из объятий огнем страны...

Талин проснулась от стука собственного сердца. От этой кавалькады даже перехватило дыхание. Она поспешно зажгла свет и огляделась. У кровати никого не было. Матиас зашевелился.

– Погаси этот чертов свет сейчас же, Талин, – проворчал он.

Она повиновалась, и сбежала в гостиную. Открыла тетрадь Луизы и погрузилась в чтение.

8

В следующее воскресенье, последний день моей болезни, все вышли в сад. Жиль с Пьером забрались на дерево, и Жиль долез почти до верхушки. Он поднял обе руки к небу в знак победы. Когда я увидела, как он спускается с такой высоты, меня охватил жуткий страх. Мария тоже закрыла глаза руками, и Пьер обнял ее, чтобы успокоить. Он часто обижал меня, но Марию всегда защищал. Его лицо, обычно жесткое, менялось и смягчалось на глазах, когда он был с ней рядом, словно он хотел подарить ей все лучшее, что было в нем. Жиль слез с дерева и улыбнулся мне, эту улыбку я храню в памяти и сегодня, после стольких лет. Особенно меня завораживали его незабываемые глаза, в них читалась несказанная сила, они пленяли. Это и поразило меня, когда я увидела его впервые – невероятная непокорность, решимость, которая жила в нем в любых обстоятельствах. У него уже были повадки мужчины, хоть он еще не вышел из детского возраста. Можно было предугадать, что он рожден для великих свершений, несмотря на все несчастья, которых было так много в его жизни. Я рассказала Жиллю, что заболела вскоре после смерти бабушки.

– Как это бывает, когда у тебя температура? – спросил он.

– Это как будто огонь жжет тебя изнутри, – ответила я.

Когда он посмотрел на меня, я снова ощутила жар.

Под вечер мы медленно возвращались домой. Пьер и Мария почти исчезли. Я вдруг оказалась наедине с Жилем посреди сада. Деревья защищали нас, а душистые цветы вымостили путь нашим детским желаниям. Он остановился и вдруг взял меня за руку со смесью робости и решимости, от которой часто забилося мое сердце.

На следующий день я увидела перед домом несколько упакованных посылок. Слуги скрылись в пристройке. Подталкиваемая любопытством, я последовала за ними и увидела десятки таких же посылок, целую пирамиду.

– Для кого все это? – спросила я одного из слуг.

– Для сирот из Аданы.

Я была впечатлена.

– А что в них?

– Одежда и еда.

– Я могу тоже послать посылку сиротам?

– Тебе надо спросить дедушку, – ответил он.

Я с сожалением оторвалась от зрелища, пора было идти в школу. Ранец показался тяжелым, словно свинцовым.

К счастью, день начался уроком поэзии с сестрой Эммой. Она взяла мел и написала на доске большими буквами, своим красивым летящим почерком, имя армянского поэта Бедроса Турияна, умершего в возрасте двадцати лет, что произвело на нас сильное впечатление. Она дала нам прочесть его стихотворение под названием «Турчанка». Я забыла обо всем на свете, запоминая самые прекрасные в мире стихи «Она хочет смотреть, но лишается чувств, ее сердце дымится, как ладан, горя от любви...»

Мое сердце тоже дымилось, как ладан: оно горело от любви к Жиллю. После урока сестра Эмма подошла ко мне.

– Луиза, мне бы очень хотелось, чтобы ты принесла стихи, которые пишешь. Я хочу предложить их одному журналу для публикации, – сказала она.

Я посмотрела на нее, ошеломленная этим предложением, и пообещала без промедления показать ей стихи.

Я вышла из школы и с удивлением обнаружила деда, который ждал меня в коляске. Мы поехали по крутым улочкам города, таким красивым в весеннем свете. Рыночная площадь была пуста в этот час. Коляска мало-помалу удалялась от города. Мы ехали молча, слушая стук конских копыт по пыльной дороге. Таврские горы возвышались вдали. Их загадочные глыбы как будто росли из земных глубин. Я смотрела на гору впереди, огромную и величественную. Слепительные солнечные лучи бились о скалистые выступы. Открывшееся зрелище захватило меня. Дед остановил коляску, чтобы мы могли насладиться чудесным видением и затеряться в красоте этого незыблемого пейзажа.

– Отец возил меня смотреть на Тавр, когда я был ребенком, – сказал он.

– Ты был ребенком, дедушка?

Он рассмеялся.

– Конечно! И до сих пор остался ребенком! Это единственное условие счастья!

Его лицо вдруг посерьезнело.

– Дедушка, почему ты такой грустный?

Он поколебался долю секунды и, наверно, решил, что я достаточно взрослая, чтобы говорить со мной откровенно.

– Была резня в Адане. Наш народ доброжелательно отнесся к приходу к власти младотурецкого правительства, но нас предали.

Его лоб тревожно наморщился.

– Много людей погибло в Адане? – спросила я.

Его голубые глаза смотрели прямо в мои.

– Да, много людей.

Я почувствовала, как бесконечная печаль разлилась вокруг нас.

– Но почему турки их убили?

– Младотурецкое правительство думает, что армяне хотят основать новое армянское царство и виновны в подрыве единства империи, – ответил он.

Я знала от деда, что первые массовые убийства армян случились между 1894 и 1896 годом, в царствование султана Абдул-Хамида II. Погибло двести тысяч человек. Я пожелала точно знать, сколько армян было вырезано в Адане.

– Около тридцати тысяч...

Дед надолго ушел в свои мысли. Я задала вопрос, который жег мне губы.

– Теперь много сирот в Адане?

– Да, много. Твой отец возвращается сегодня из Сирии. Он отправится на несколько дней в Адану с посылками, которые прислали нам армяне из соседних провинций.

Я сказала, что хочу во что бы то ни стало поехать с ним. Он ласково улыбнулся мне и похлопал по руке.

– Тебе надо ходить в школу, сейчас это лучший способ помочь нашему народу.

– Но можно мне тоже готовить посылки для сирот?

– Конечно. У тебя светлая душа, Луиза. Береги ее.

Лошадь шла шагом. Покачивание коляски в вечерний час убаюкивало меня. Коляска свернула на узкую проселочную дорогу. Мы были совершенно одни. Толстые деревья, там и сям пучки травы, взлетающие гроздьями птицы – все было на своих местах. От всего этого исходило глубокое чувство покоя, наполнившее нас до краев, изгнавшее из наших мыслей проникшую в них черноту. Дед взял меня за руку. Воздух был удивительно чистый, и я вдыхала его полной грудью. Листва на деревьях тихонько колыхалась под теплым ветром. Все показалось мне вдруг таким безмятежным, что трудно было поверить, какие в мире могут твориться ужасы.

– Дедушка, а турки будут резать еще людей, сделают в Мараше то же, что сделали в Адане? – спросила я тоненьким голоском.

– Нет, тебе нечего бояться.

Поздно вечером папа вернулся из Сирии. Заслышав его гулко разнесшийся по дому голос, я выбежала ему навстречу. Он выглядел усталым. Его лицо, всегда безупречно выбритое, покрывала щетина, глаза покраснели и ввалились от недосыпа. Когда он прижал меня к себе, я почувствовала кислый запах его кожи. О подарках в этот вечер не было и речи.

Назавтра я занялась приготовлением посылок, которые папа должен был отвезти в Адану. Я рассказала об этом подругам. Дедушкин дом стал нашим сборным пунктом. Мы звонили в двери и просили одежду и еду. Вскоре эта лихорадка охватила весь город. Дед организовывал собрания и объявил сбор средств на постройку в Адане сиротского приюта. Нельзя было допустить, чтобы армянских детей забрали турки. Я слышала, как дед объяснял кому-то, что, когда это происходит, маленьких армян воспитывают по турецким правилам. Они должны трижды в день совершать намаз и читать суры из Корана. Я была потрясена, когда услышала, что им даже дают мусульманские имена и строго следят, чтобы они забыли свою идентичность и свою веру. Озадаченная, я пошла в кабинет деда.

– Дедушка, что значит «забыть свою идентичность»?

– Это все равно что стереть память, погрузить ее во мрак. Как если бы ты оказалась в другой стране, где тебе пришлось бы начать жизнь заново и забыть родителей, дом, Прескотта и все, что наполняет сегодня твою жизнь. Идентичность – это сад, где ты сажаешь каждое событие в твоей жизни. Если ты ухаживаешь за ним, в нем растут прекрасные цветы. Но если кто-то проникнет в него и вытопчет их, сад будет разорен, а у дерева, которое в нем растет, не останется корней.

Я пожелала узнать, зачем нужны корни и есть ли они у меня.

– Корни – это то, что возносит тебя к небесам. Они – цоколь, от которого ты можешь оттолкнуться и взлететь.

Я задумалась.

– Как Пия, когда она сидит на своем насесте и я вижу, как она взмывает к солнцу?

– Да, как Пия. Без корней мы летаем беспорядочно, по воле ветра. Поэтому всегда надо помнить пейзажи своего детства.

После этого разговора я с удвоенным пылом готовила посылки, потому что хотела любой ценой не дать выполоть корни маленьких армянских сирот!

Жиль застал нас воскресным утром посреди этой суеты. Он тоже захотел что-нибудь дать и положил в посылки свои любимые голубые шарики. Я узнала, подслушивая под дверью, что во многих свертках, дошедших до обездоленных из Аданы, была нестираная, пропитанная ужасным запахом прогорклых духов и испорченной помады одежда. Мало того – иногда она была просто грязной, закапанной жиром или алкоголем. Эти узлы присылали богатые армяне из Стамбула, не очень озабоченные судьбой своих несчастных братьев. Зато другие посылки были собраны тщательно. Они приходили зачастую из отдаленных армянских провинций, и собирали их бедные армяне. Это был урок для меня, ведь я всегда думала, что богатые великодушнее других. Дед сказал мне, что все наоборот: когда у тебя много добра, с ним труднее расставаться, потому что накопленное богатство создает невидимую преграду между тобой и другими, делая тебя равнодушным к чужим несчастьям.

Пьер ушел в свою комнату и вернулся с саблей, с которой не расставался. Он протянул ее мне, чтобы я положила ее в посылку, но вмешался папа.

– Ты думаешь, сабля – подходящий подарок для детей, чьих родителей зарезали? – спросил он Пьера.

Тот задумался и признал, что идея плоха.

– Я просто хотел показать вам, что я великодушный!

– Мы знаем, что ты великодушный, сынок.

В хорошем расположении духа Пьер был само очарование: старался всем понравиться и блистал остроумием. Но внезапно он как будто достигал пика хорошего настроения и оседал, как французский торт, который однажды не удался нашей кухарке. Он мрачнел, становился угрюмым, агрессивным и беспокойным. Резко закипал, и горячая лава его детских страстей заливала все вокруг. С моим братом было трудно, дорогая моя детка, и что-то в нем навсегда осталось для меня непостижимой тайной.

Теперь я хочу рассказать тебе о Жиле. Он оставался со мной, во мне – все эти годы... Я несколько раз в тот день ловила на себе его пронзительный взгляд. Был ли он вправду ребенком? Я не смогла бы этого сказать – столько в нем было силы и решимости. Благодаря воскресным дням у нас из его глаз исчезло лихорадочное блуждание, и сохранилась лишь глубина, делавшая его взгляд таким особенным. Было в нем, несмотря на все его слабости, что-то непримиримое, упорно отказывающееся капитулировать перед властью. Меня смущал огонь, так ярко горевший в его глазах, когда он смотрел на меня, ведь это всегда происходило внезапно, после того как он вел себя под стать малому ребенку, которым и был. Тогда в нем не оставалось больше ничего детского, ничего легкомысленного и пустого. Его взгляд вселял в меня уверенность, хотя я еще не понимала, что это значит. Куда девались наши мысли друг о друге? Записывались ли они в большую книгу человечества или исчезали в глубине галактик? И что такое сама мысль?

Когда посылки были готовы, я увела Жилия в заброшенный уголок сада. Там была только вскопанная земля, не в пример остальной территории с идеально ухоженными цветочными аллеями. В этом месте земля оставалась сухой и шершавой, цветов почти никаких, а редкие травинки с трудом выживали под постоянным напором солнца. Чахлое деревце росло как могло. Я увидела пару почек, которые сумели, несмотря ни на что, набухнуть на одной из его хилых веточек. Это было наше с Марией любимое место, потому что все здесь вызывало у нас жалость. Иногда мы часами возились с леечками, чтобы доказать этой убогой природе, что мы никогда ее не оставим. А подалее, словно поддразнивая травку, деревце и жалкие цветочки, раскинулся густой лес с ослепительно яркой зеленью. Я показала Жилию Тавр, высящийся вдали. Он долго смотрел на него, потом повернулся ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.